

полежаева полина

ВОЛНЫ ИДУТ

случиться может все... даже то, что не может случиться

RED. Фэнтези

Полина Полежаева

Волны идут

«ЭКСМО»

2022

Полежаева П.

Волны идут / П. Полежаева — «Эксмо», 2022 — (RED. Фэнтези)

ISBN 978-5-04-182246-0

Глеб Марков – молодой и амбициозный скульптор. Но ему не повезло жить в мире правил, в котором искусство – ненадежная и даже опасная деталь. Королевская Академия Художеств разрушена, как и его карьера. Но долго пребывать в мире, который его отверг, ему не пришлось – в один из дней он просыпается на неизвестном острове, не понимая, как это произошло. Здесь его встречают старики – провидцы, сумасшедшие, говорящие только правду, отвергнутые миром мечтатели. А еще одичалые дети, которых взрослые боятся хуже неких Волн. Мир стремится к порядку, но Волны несут в него хаос. Они изменяют все, чего касаются, делают любое событие возможным. Глебу кажется, что на острове ему грозит опасность, тем более Волны не отпускают его просто так. Ему предстоит сделать сложный выбор между привычным адом и пугающим, неизведанным раем. Комментарий Редакции: Приключенческое фэнтези, в основе которого социальная дилемма – положительные и отрицательные стороны хаоса и порядка. Можно ли сделать между ними выбор?

ISBN 978-5-04-182246-0

© Полежаева П., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Полина Полежаева

Волны идут

Глава 1

Черепки

За мутным окном такси расплывалась и утопала в дожде улица Пикадилли. Молодой человек на пассажирском сиденье беспокойно переползал с одного места на другое, будто надеясь, что от этого машина поедет быстрее. Похоже, весь центр превратился в одну огромную пробку. Времени было предостаточно, но рокот дождя и пронзительный скрип дворников по стеклу усиливали тревогу. Глеб – пассажир, что так опрометчиво предпочел такси лондонской подземке – скользил взглядом по тусклому пейзажу: с одной стороны нестерпимо медленно проплывали фасады домов, а с другой зиял голый, по-осеннему облысевший Грин-парк. Возможно, где-то там, за скелетами деревьев, можно было разглядеть Букингемский дворец, не будь он таким же блеклым, как все вокруг. А еще говорят, будто Лондон похож на Петербург. Да как бы не так!

На самом деле, Глебу здесь очень даже нравилось. Виной поганым мыслям – мучительное ожидание, выевшее все его силы. Да еще и вид этих железных коробов, скрывавших все городские памятники, не прибавлял бодрости духа. Какой-то из новых законов приказывал прекратить демонстрацию объектов мнений и ценностей, которые могут быть неприемлемы или оскорбительны. Он не помнил точную формулировку, но смысл был примерно таким. И, разумеется, под «объекты мнений и ценностей» тут же попали все произведения искусства. И смешно, и плакать хочется: все, что в двадцатом веке признали охраняемыми шедеврами, теперь не могли просто демонтировать. Вот и арку Веллингтона, мимо которой такси проползло около получаса назад, венчала теперь не колесница с Ангелом мира, а жестяной ящик, от чего вся конструкция смахивала на пирамидку из гигантских детских кубиков.

Кроме того, Глеба не отпускало чувство, будто он идет на преступление, ведь направлялся он не куда-нибудь, а в Королевскую Академию художеств – на собственную выставку. Хотя это было все еще законно, подобные мероприятия уже давно не встречали теплого отклика. А если точнее, уже несколько лет как они становились причиной негодования, демонстраций, судебных исков, а порой даже беспорядков. Глеб ни капли не сомневался, что этот раз не станет исключением – чем дольше он торчал в пробке, тем больше становился шанс наткнуться на разгневанную толпу.

Вскоре он не выдержал и постучал в стекло, отделявшее его от водителя.

– Эй, мистер, я дойду сам, спасибо! – он приоткрыл дверь автомобиля и просунул на утопающую в дожде улицу зонт. Лучше уж добраться до Академии мокрым, чем не добраться вообще. Воздух был настолько тягуче-влажным, что зонт оказался совершенно бесполезен – новенькое пальто на его плечах мгновенно отсырело и повисло тяжелой мокрой тряпкой.

– Да чтоб тебя разорвало! – взвыл Глеб, когда зонт напоследок еще и вывернуло ветром. Пытаясь не думать о том, в каком виде ему придется переступить порог Академии, он начал гадать, как пройдет сегодняшний вечер. Целый зал был отведен только под его скульптуры, прилетевшие прямиком из Петербурга. Странно, что эту выставку вообще разрешили, ведь цензура становилась все строже и строже. Политика Академии, как всегда, была проста: кто не приглашен, тот ничего не знает. Хотя, вернее было бы сказать: кто ничего не купит, тот не приглашен. Насколько слышал Глеб, здесь на выставках можно было встретить только определенный и довольно узкий круг людей, да еще журналистов, которых больше привлекали воз-

можные стычки с демонстрантами. Для него, едва шагнувшего в мир большого, цензурированного и очень дорогого искусства, все это было незнакомо и волнительно.

Вскоре Глеб вырвался из потока прохожих и юркнул во внутренний дворик здания, щедро облепленного уже привычными глазу коробами. Вот она, Королевская Академия художеств, стыдливо прикрывшая срамоту: скульптуры Рафаэля, Тициана, Микеланджело и да Винчи, украшавшие когда-то арки второго этажа. Перед входом, как он и опасался, – демонстранты, со скучающим видом подпиравшие колоннаду. Пока еще не толпа, и десяти человек не наберется, но все-таки страшновато.

Едва Глеб ступил на брусчатку двора, как протестующие принялись толкать друг друга локтями и кинулись разматывать плакаты, до того мирно лежавшие в сторонке.

«Долой обман!» – кричала надпись на одном из них.

«Свобода мыслей – наше право!» – орала вторая, настолько яркая, что Глеб не смог не пробежать по ней взглядом. А взгляда он пытался не поднимать, шаг – не сбавлять. Главное не влететь напрямиком в колонну, вместо двери.

– Хватит навязывать свое ненормальное мнение! – как-то неуверенно продекламировал один из протестующих. Остальные лишь проводили Глеба взглядом.

Захлопнув за собой двери Академии, он почувствовал себя в безопасности. Интересно, и как он будет отсюда выбираться? Ведь демонстрантов не могут просто разогнать – это незаконно!

Тревога неслась за Глебом по ступеням лестниц, по коридорам и залам, никак не желая оставить его в покое, но отступила, едва он увидел афишу на одной из дверей. Она сильно уступала плакатам протестующих, но Глеб ни за что не назвал бы ее скромной. Ведь на ней было его лицо. Если сказать точнее – портрет, еще точнее – фотография с довольно неудачного ракурса. «Глеб Марков. Мифы славянской культуры», – гласила витиеватая надпись ниже.

Звук, с которым Глеб отворил двери в зал, едва его не оглушил. Он сделал несколько шагов и оказался среди скопища существ, в любую секунду будто готовых сорваться с места, полететь, броситься со своих постаментов. Древние боги не отрывали взгляда от его лица, лешие были будто сплетены из корней деревьев, водяные блестели влажной кожей, а духи и мелкие твари, что по легендам заводили путников в глушь болота, сияли манящими огоньками. И все они будто собрались вокруг центральной скульптуры. Это была Сирин, райская птица. Ее будто смущенное лицо едва выглядывало из копны пушистых волос – она только собиралась начать свою песню, предрекая счастливое будущее и сводя слушателя с ума. Тело ниже шеи было птичьим, раскинутые крылья переливались невесомыми перьями, а когти, впившиеся в ветку дерева, напоминали, что персонаж этот был далеко не безобидным. Глебу казалось, ничего лучше он создать уже не сумеет.

Он бродил по залу и перечитывал таблички с историей каждого из существ – Глеб составил их сам, но теперь казалось, что автором был косноязычный идиот. Может, это был сон? Очень уж странно смотрелись его работы под сводами ослепительного зала. А что, очень счастливая и правдоподобная греза.

– Мистер Марков! – как гром среди ясного неба грянул голос. Глеб невольно пригнулся, словно собираясь получить подзатыльник. В дверях, приветственно раскинув руки, стоял художочный мужчина в изысканном костюме, который, впрочем, казался ему несколько великоват. Это придавало ему сходство с огородным пугалом: еще бы горшок на голову, и он мог бы сойти за часть экспозиции.

– Мистер Баркли, рад вас видеть.

– Не думал увидеть вас здесь так рано, – организатор выставки обвел взглядом зал, кивая сам себе.

– Я просто побоялся... опоздать.

– Понимаю, – Баркли еще пуще затряс головой. – Для вас это, должно быть, большой день. Большое достижение. Европейский уровень, так сказать. А до него, между прочим, ваши соотечественники редко дотягивают. Кстати, как вы смотрите на то, чтобы продать несколько произведений?

– Разумеется, почему бы и нет, – Глеб старался не встречаться глазами с этим пугалом. – А о чем конкретно идет речь?

– Ну, в первую очередь о... эм-м... «женоптице», простите эту бестактность, запомнил название.

– Нет, это определенно невозможно. Я готов расстаться с чем угодно, кроме нее.

– О, прошу прощения, но, я думаю, это все же вопрос цены? – понимающе похлопал его по плечу Баркли. – Иначе вам будет очень сложно сделать себе хоть какое-то имя. Скорее невозможно. И поверьте, речь идет не только о фунтах...

– Но она не продает... – попытался возразить Глеб, но лишь получил еще один хлопок костлявой ладонью.

Баркли направился к двери:

– Лучшим решением для нас станет аукцион! Эти люди готовы выложить баснословные суммы. Не столько за скульптуру, сколько для того, чтобы заткнуть друг друга за пояс. Россия – какая экзотика!

С этими словами он покинул зал, где лешие и водяные теперь казались чудовищно неуместными.

Через четверть часа на плечах служащих в зал вплыл огромный стол. Вслед за ним вышагивал Баркли, не удостоивший Глеба ни полусловом, ни полувзглядом. Стол опустился в свободном углу зала и через каких-то пару минут уже ломился от закусок и напитков. Глеб содрогнулся при виде целого подноса канапе с осьминогами. Их тонкие щупальца свисали с крошечных кусочков хлеба, будто бедняжки все еще надеялись ускользнуть от прожорливых гостей.

Вскоре зал начал заполняться людьми в костюмах и платьях, еще более ярких, чем перья потускневшей жар-птицы. В воздухе тут же повис запах пота и парфюма, а от хора голосов пошла кругом голова. Перед Глебом замелькали лица: кто-то поздравлял, кто-то хлопал его по плечу, кто-то, кажется, даже с ним фотографировался. После гости отправлялись напрямик к столу, с которого с катастрофической скоростью исчезали осьминожки канапе. Но вот погас свет, голоса заглушили раскаты ритмичной музыки. Глеб был почти уверен, что его хватил удар, а все происходящее – не более, чем галлюцинация. Он и представить себе не мог, что его выставка превратится в танцы. Сгнила, насквозь протухла ваша Академия! Какой же он идиот, зачем вообще сунул сюда нос? Зажатый между горячими мокрыми телами, Глеб стал протискиваться к выходу, порой натыкаясь на прохладный камень невидимых в толпе скульптур. И тут его чуть не сшибло с ног. Не танцующими – воню. Впереди он четко разглядел треклятый стол, когда кто-то схватил его за плечо:

– Ну, мистер Марков, как вам наша скромная встреча? – проорал Баркли прямо Глебу в ухо. Хватка его костлявых пальцев не давала ступить и шагу – старикан твердо держался на ногах.

Глеб, не в силах что-либо отвечать, кое-как высвободил плечо и ткнул пальцем в стол. В источник кошмарного запаха – запаха гниения. Баркли обернулся вслед за ним и выругался: завитки чудом уцелевших осьминожьих щупалец почернели и сочились слизью. Почему же никто раньше не почувствовал такую вонь?

– Быть не может, какой позор! – Баркли схватил поднос, прикрыл его лапами пиджака и кинулся сквозь толпу к выходу из зала. Вслед за ним к дверям заковылял и Глеб.

Едва он очутился в пустом коридоре, как колючая прохлада свежего воздуха совершенно его одурманила. Костюм промок насквозь, Глеб сорвал с шеи петлю галстука и швырнул его на пол. К черту все это! Он не проведет здесь больше ни минуты!

Хотя, минуты шли, а Глеб все не уходил. Потом развернулся и поплелся по коридору: не к выходу, а вглубь Академии, подальше от музыки и осьминожьей вони. А ведь Баркли прав: удались он сейчас с высоко поднятой головой, и прощай имя, прощай Лондон. Надо лишь немного потерпеть, и в награду он получит все, о чем мечтал. Только потерпеть – всего один раз, сегодня.

Когда навязчивые ритмы стихли вдали, светлые коридоры и залы сменились темными, пыльными комнатами. Вскоре Глеб понял, что, предаваясь тягостным раздумьям, он забрел невесть куда и теперь не имел ни малейшего представления, как ему вернуться на выставку. Должно быть, эта часть Академии пустовала давно – здесь было настолько грязно, что через пелену окон Глеб не мог разглядеть очертания улицы. На облупившихся стенах светлели пятна, где некогда висели картины, а двери были сорваны с петель, словно ворота осажденного и разграбленного города.

– Будто здесь война прошла, – пробормотал Глеб.

Очередной зал встретил его стеной затхлого сырого воздуха и причудливыми облаками паутины под потолком. Толстый слой пыли покрывал скрипучий пол... и сотни картин. У Глеба перехватило дыхание. В рамах, скученные, сложенные в стопки, они выстроились штабелями, громоздясь друг на друге. Одни закинутае поверх других, изодранные и растрескавшиеся холсты башнями поднимались до самого потолка. Они возвышались, словно забытые надгробья, имена на которых уже давно стерлись. Перед глазами проплывали портреты неизвестных ему людей, наваленные поверх них пейзажи, потемневшие от сырости и покрывшиеся бледными полосами плесени.

Глеб опустился на пол, и груды картин над ним превратились в стены. Его ладони и костюм, едва коснувшись пола, стали пепельно-серыми от пыли.

«Вот здесь мне самое место», – подумал Глеб, и от этой мысли ему вдруг стало спокойно и даже как-то радостно. Зал он покинул с твердым решением немедленно прекратить выставку и как можно скорее покинуть эти стены.

Когда Глеб вернулся, по спине его пробежал холод: стол с закусками был убран, свет – включен, музыка – приглушена. Взмокшие гости опустошали последние бокалы, а свободное место теперь занимали ряды стульев, на которых обосновались журналисты. Те самые журналисты, о которых Глеб начисто забыл.

– А мы ждали вас, мистер Марков! – воскликнул подскочивший к нему Баркли и добавил свистящим шепотом, – Где вас носило? Что за вид, вы весь в пыли, черт возьми!

Пресса уже наострила уши и занесла острые пальцы над клавиатурами, готовая рвать мистера Маркова на мелкие клочки.

– Леди и джентльмены! – едва не закричал Баркли. – Благодарю вас, что посетили наше скромное мероприятие. Для меня честь представить вам мистера Глеба Маркова...

– Не орите, – перебил его один из журналистов. Он шепелявил от того, что рот его был занят сигаретой. – Он сам все расскажет, вы теряете наше время!

В наступившей тишине Глеб встретился взглядом с целым залом людей, готовых похоронить его заживо вместе с его лешими и водяными. И вдруг одно из лиц привлекло его внимание. В нем не было ни хищнического интереса, ни жадного ожидания: лишь ласковое спокойствие. Одного взгляда на это лицо – созданное им самим лицо Сирина – было достаточно, чтобы очнуться от хватки страха. И Глеб заговорил – спокойно и ладно, совершенно позабыв о десятке газетных стервятников. Он не видел никого, кроме Сирина, с которой будто и вел свой разговор. Когда он закончил, в душный воздух взметнулись руки, один за другим журналисты озвучивали вопросы, на которые он без труда находил ответы. «А ведь все не так уж плохо», –

подумал было Глеб, но потом руку подняла девушка в первом ряду. У нее были впалые щеки с почти сведенными выбеленными веснушками и простой деловой костюм.

– Кристина Сандерс, журнал «СилаСлова». Почему ваша выставка посвящена именно этой теме?

Казалось, широкая улыбка мешала девушке говорить, но все равно не покидала ее далеко не приветливое лицо.

– Дело в том, что в культуре славян меня всегда привлекала их богатая мифология. Разнообразие величественных и пугающих образов дает простор для творчества.

– То есть, вы согласны, что ваши скульптуры не вызывают ничего, кроме страха?

– Я этого не говорил, – вздернул брови Глеб.

– Величественные и пугающие, так вы их назвали, – повторила Кристина. – Вы стремитесь вызвать чувство страха у гостей?

– Страх не перед самой скульптурой. Человек может почувствовать себя на месте тех, кто искренне верил в этих существ.

– Получается, вы стремитесь опустить сознание гостя до состояния помешанного на мифологии древнего человека?

Глеб опустил глаза. Его загоняли в тупик. Этого-то он и боялся. И не имел ни малейшего понятия, как противиться такому напору.

– Какую цель вы преследуете, создавая свои скульптуры? – не дождавшись ответа, продолжила Кристина. Во рту у Глеба вдруг пересохло.

– Как и... в любом другом виде искусства, в скульптуре заложен... определенный смысл, который автор... стремится донести до других.

– То есть, если я правильно поняла, вы стремитесь, чтобы ваше субъективное мнение было принято окружающими.

– В каком-то смысле, – ответил Глеб в надежде, что сумел выкрутиться. – Есть ли еще вопросы? – обратился он в зал, но Кристина его опередила.

– Получается, вы пытаетесь заставить людей отказаться от своего мнения и принять ваше? Даже не осознавая этого?

– Мисс Сандерс, это в любом случае невозможно...

– Значит вы осознаете, что у противников вашего дела действительно есть основания требовать прекращения этой пропаганды?

– Вы перегибаете палку...

– Как в таком случае вы можете создавать видимость правомерности своего искусства, когда оно не позволяет окружающим иметь собственное мнение?

– Прекратите это сумасшествие! – рявкнул Глеб, от чего стук пальцев по клавиатурам в миг прекратился. Баркли обхватил голову руками.

– Вы ведь даже не понимаете, какую чушь несете! Какая пропаганда?! Чего? Язычества?! – не мог успокоиться Глеб.

– Ваша неуравновешенность может быть вызвана пагубным влиянием ваших же скульптур! – выкрикнула Кристина, перекрывая поднимающийся в зале гул.

– Она вызвана вашим слабоумием! – взорвался Глеб.

Журналистка встала. Зал настороженно притих. Да, такое интервью должно было стать настоящей сенсацией.

– Ну что ж, значит остается только одно, – Кристина отвернулась и направилась к выходу из зала.

– Неужели вы уходите, мисс Сандерс? – спросил Глеб, чувствуя, как кровь пульсирует в висках. Это был его конец. Позорное обличение искусства, лишаящего рассудка – меньше чем через час весть о случившемся, как яд по жилам, расползется по интернету.

– Нет, почему же, – Кристина ни на секунду не переставала улыбаться. – Мы ведь только пришли, мистер Марков.

С этими словами она распахнула двери, и в зал хлынула толпа. Кто-то закричал, гости начали тесниться к стенам, сшибая друг друга, об пол зазвенели быющиеся бокалы. Вошедших было по меньшей мере десять человек, в их руках мелькали биты и железный лом. Кристина осталась в дверях, и только сейчас ее улыбка стала по-настоящему веселой. Баркли, коротко взвизгнув, скрылся за всколыхнувшейся стеной пестрых юбок гостей.

На глазах у Глеба бита одного из протестующих обрушилась на лешего, на мгновение просевшего и брызнувшего в стороны мелкой цветной крошкой. Люди разбегались, прикрывая лица от звенящих в воздухе осколков. Ком в горле не давал Глебу закричать, а холодная тяжесть в теле – ступить и шага. За лешим на пол обрушился водяной, покрыв его будто мокрыми черепками, а огоньки обманника, вырванные из плоти, разлетелись искрами по залу. И тут мимо проплыла Кристина. На мгновение она остановилась рядом с Глебом, и в паре сантиметров от его лица зависла потерянная бита.

– Ну что, мистер Марков, – улыбнулась Кристина, – Что вы хотели сказать этой скульптурой?

Пара шагов вперед, и она оказалась перед Сирином.

– Нет! – только сейчас закричал Глеб, но в тот же миг Сирина погубила. Он видел, как превращается в крошку любимое лицо, как обломанные крылья, раньше казавшиеся невесомыми, с гулким треском разбиваются об пол. Кристина, столкнув ногой остатки фигуры с пьедестала, уселась на него сверху. Зал терялся в клубах пыли. Громыкнул последний удар, и наступила тишина. Все взгляды теперь устремились на Глеба. Они будто задались вопросом: а что, если сделать с мистером Марковым то же, что и с его творениями?

Вдруг холод ослабил свою хватку, кровь снова закипела внутри, запульсировала в висках, и Глеб, на каждый шаг похрустывая черепками, направился к Кристине. Казалось, он идет по костям. Его остановил грубый толчок битой.

– Вы никогда не убьете то, что пытаетесь растоптать, – прошипел Глеб. – Никогда! Чтоб вам провалиться! Вам всем! – заорал он и бросился прочь.

Он уже выбежал на улицу, как вдруг нечто повалило его на землю. Лежа на старой лондонской брусчатке, он почувствовал, как разбитые руки и все его тело сотрясает дрожь самой земли. С трудом поднявшись, он снова побежал, но дикий рев возвестил о новом толчке, повалившем Глеба на спину. Здания вокруг начали проседать и крениться, земля будто лопнула и разошлась по швам. Фасад Академии треснул прямо над Глебом, сверху полетели камни, и внезапная вспышка боли погасила его сознание.

Несколько раз Глеб приходил в себя, но его притупленные чувства не могли точно передать происходящее. Обрывочные видения, а между ними... минуты? Часы или дни? Холод, тьма и невыносимый рокот – все слилось в один кошмарный сон воспаленного сознания. А потом он открыл глаза.

Их обжег яркий свет, заставивший Глеба сморщить онемевшее лицо и сесть. Понадобилось несколько минут, прежде чем к нему вернулось восприятие окружающего: невнятный треск превратился в шум прибоя, цветные пятна в глазах – в песчаный пляж и небо, а покалывание кожи – в зной южного солнца.

Прямо перед ним простиралось море.

Глава 2

Церковь Святой Софии

Ни мрачные воды, омывавшие берега Британии, ни холодная громада Балтийского моря не были похожи на бесконечную лазурь, что предстала перед Глебом. Волны разбивались пеной о невысокие скалы отмели, песчаный пляж изгибался крутой дугой, и в паре километров его золотая полоса исчезала за отвесным утесом.

– Что за бред, – прошептал Глеб. Никаких признаков жилья: ни единого дома, ни единого следа на песке. Ничего, что могло бы объяснить его появление на побережье. Не с неба же он свалился?! Может быть, его вынесло море? Ни ответов, ни догадок у Глеба не было. Зато прямо позади него, между пальмами и зарослями высокой травы, нашлась достаточно широкая утоптанная дорога. Она поднималась изгибами по пологому склону вглубь суши.

Пока сбитый с толку Глеб озибался по сторонам, он успел изрядно вспотеть. На нем был все тот же костюм, что и на выставке в Академии – исчезли лишь пальто и зонтик. Да и черт с ними. Глеб стянул измятый пиджак и накинул его на опасно перегретую голову. В испаряющиеся туфли уже набился колючий раскаленный песок. С неба ли он упал, на черепахах ли приплыл, ясно одно: оставаться на пляже было нельзя. Особо не раздумывая, Глеб отправился вверх по дороге, надеясь найти людей или хотя бы воду.

Восхождение по едва заметному склону оказалось изнурительным, солнце стояло в зените, и даже заросли по сторонам дороги не давали никакой тени. Жажда и желание укрыться от пекла гнали Глеба вперед, занимая все мысли. Он даже не мог думать о том, что произошло в Лондоне... Как и почему он оказался здесь... Только бы найти воды.

Становилось все жарче. Рубашка прилипла к телу, а ветерок приносил не вожаденную прохладу, а иссушающий горячий воздух. Голова кружилась, а взгляд уткнулся в тропу, которая, возможно, уже никуда не могла привести.

Вдруг Глеб остановился – впереди показалась развилка. С одной стороны дорога начинала крутой подъем, а с другой расширялась и продолжала неторопливое восхождение. На обочине, словно огромный шатер, раскинуло над развилкой тяжелые ветви дерево. Темно-зеленые плоды на нем напоминали застывшие капли.

– Аллилуйя, – прохрипел Глеб, кое-как доковылял до животворной тени, не раздумывая сорвал один из плодов и сунул его в рот. Это оказался инжир, Глеб поперхнулся хрустящими на зубах семечками, но тут же протянул руки за следующим. Жажду он не утолил, но немного пришел в себя. Тут нечто странное привлекло его внимание – прямо под деревом, незаметная поначалу за порослью высокой травы, виднелась тонкая металлическая труба. Будто флагшток, затерявшийся в запущенном саду. На ней крепилась небольшая, насквозь проржавевшая табличка с поеденными временем буквами. Сделав несколько шагов назад, Глеб окинул взглядом свою поразительную находку – перед ним, несомненно, был указатель.

– Церковь Святой Софии, – прочитал он и взглянул на отмеченный стрелкой широкий и пологий подъем дороги. Вот и прекрасно. Если где-то рядом была церковь, значит были и люди, и вода, и помощь. Оставалось лишь добраться до них. Набраться сил и совершить еще один рывок.

«Не входи в пустые дома», – ярко чернели в углу таблички слова, написанные маркером от руки. Что ж, чего только не прочитаешь на заборах и дорожных указателях.

Глеб задержался в тени еще на минуту: раскинул на земле пиджак, бросил на него несколько десятков плодов и стянул получившийся баул рукавами. После отдыха идти стало намного легче, и он уверенно шагнул навстречу Святой Софии, к людям, с которыми ему было о чем поговорить.

У дороги пестрела голубой краской самая настоящая и очень старая колонка. Если бы не колючая сухость во рту, Глеб бы обязательно удивился, но вместо этого он лишь взмолил небеса, чтобы колонка работала, и бросился к ней через жухлую траву. Схватившись было за раскаленную на солнце ручку, он отпрянул и обмотал рукав вокруг обожженной ладони.

– Давай, давай! – шипел Глеб под хрипение гнutoго носика, и вскоре на землю хлынула тугая прохладная струя воды. Несколько минут Глеб блаженствовал, обливал руки, плечи, голову и спину будто бы жидким льдом и припадал губами к потоку, от которого ломило зубы. Тень, вода и еда – он нашел все, о чем мог только мечтать, и его тут же захватили воспоминания. О Лондоне, выставке, крахе. О безумном бреде, что преследовал его после, о минутах перед тем, как он провалился в небытие.

Глеб брел дальше, а навязчивые, роящиеся мысли снова и снова возвращали его к стенам Академии. Мысли-мухи. Они мельтешат где-то на краю сознания, жужжат, выводят из себя, но никак не дают себя хорошенько рассмотреть. Именно такие мысли обычно не дают уснуть по ночам.

Его похитили – это было ясно. Но кто? Зачем? Разве похищенный не должен очнуться прикованным к стулу в каком-нибудь подвале? Разве станут его тащить через всю Европу, чтобы оставить на пляже, словно воплотившемся с туристических реклам? Для полноты картины могли бы бросить его не на песок, а сразу на шезлонг под зонтиком.

Глеб перестал теряться в неправдоподобных догадках, лишь когда в надоедливый зелено-голубой пейзаж вдруг ворвалось яркое коралловое пятно – гладкая, аккуратно оштукатуренная стена высокого глухого забора. Наконец-то. Глеб едва удержался, чтобы тут же не рвануть через забор, и побежал, почти что понесся вприпрыжку по дороге.

Вскоре он стоял перед высокими коваными воротами, через которые видел двухэтажный дом и большой запущенный сад. Ворота были закрыты. Ни замка, ни скважины для ключа. Глеб схватился за прутья и закричал:

– Эй, извините! Есть кто?! Мне нужна помощь!

Дом ответил ему тишиной, а собственный крик показался Глебу настолько громким, что он заколебался, прежде чем снова позвать хозяев. В конце концов, лезть через ворота – не выход. Да и не мог этот дом быть единственным в округе.

И правда, через несколько минут тропа превратилась в узкую мощеную улочку, по обеим сторонам которой тянулись рощи оливковых деревьев и кипарисов. Впереди показался второй дом.

– Здравствуйте, – крикнул Глеб и постучал в дверь. – Откройте пожалуйста, мне очень нужна помощь!

Ответом ему снова была тишина – ни голосов, ни шагов.

– Какого черта, – пробурчал Глеб, но все-таки решил обойти дом вокруг и осмотреться. – Только не говорите, что на заднем дворе у вас сторожевая псина.

Ни двора, ни пса, ни чего-либо примечательного Глеб, впрочем, не нашел. Он заглянул в несколько окон, но не увидел ничего, кроме темноты или закрытых жалюзи. Сам дом ему жутко не понравился. Окна, веранды, балконы и наружные лестницы громоздились как попало, придавая зданию просто абсурдный вид. Странно, но Глебу захотелось поскорее убраться отсюда. Так же было и с третьим домом, и с четвертым...

Вскоре Глеб стоял посреди безлюдной тихой улицы, окруженный такими же пустыми запертыми домиками, коттеджами и целыми особняками. Теперь ему стало по-настоящему страшно. Он уже наделал достаточно шума, о чем теперь жалел. После долгих блужданий по пустым улицам, он так и не нашел ничего, кроме запертых дверей, темных грязных окон и жуткой тишины. Глеб опустился на ступени одного из домов и потер уставшие от солнца глаза. Жара спадала, небо застила бледная пелена. Хоть Глеб и не сворачивал с дороги, церкви он пока не увидел. Город был брошен. Жители просто взяли и уехали? Но почему же в таком

случае он не наткнулся на какой-нибудь забытый велосипед, брошенную впопыхах коробку, хотя бы один стыдливо пристроенный за забором мешок мусора, в конце концов? Возможно, в этом городе вообще никто и никогда не жил?

Тишина никак не вязалась с тем, что Глеб видел вокруг. Сюда не долетал даже шум моря, лишь порой шелестели оливы. И вдруг в этом безмолвии разнесся звук, заставивший Глеба вскочить. Никаких сомнений, донесся он из дома позади – щелкнул замок. И, хоть Глеб уже удостоверился, что дверь была закрыта, он снова нажал на ручку. На этот раз она поддалась, скрипнули петли и залитое светом крыльцо прорезала тонкая полоса темноты.

– Есть кто? – почти прошептал Глеб, переступая порог. И будто ответом откуда-то из глубины дома до него донесся приглушенный сладковатый запах. Глеб сделал еще шаг и оказался в полумраке прихожей, где щелка приоткрытой двери стала единственным источником света. Смутный силуэт коридора вел вглубь дома. Прислушиваясь к каждому своему шагу, Глеб двинулся вперед, касаясь кончиками пальцев будто слегка влажной штукатурки. За поворотом коридора вдруг стало светлее – несколько крохотных слуховых окон в потолке горели голубизной неба прямо у него над головой. Это показалось Глебу странным, ведь снаружи он видел, что у здания был второй этаж. Но сейчас его внимание привлекло другое. Прямо посередине коридор был завален грудой хлама: коробками, тряпьем, деревянными обломками, гнутыми кусками металла и даже ветками с редкими и скрученными листочками. Глеб замер перед этой странной баррикадой, раздумывая, не повернуть ли назад. В конце концов, он вломился в чей-то дом. Однако, жажда давала о себе знать и требовала идти дальше, чтобы найти кухню или ванную. Возможно, водопровод все еще работал.

Перед баррикадой Глеб заметил дверь и отправился дальше. Он снова погрузился во тьму – окна в остальном доме были заколочены, неподвижно стоял спертый влажный воздух. Когда Глеб касался стен, по ним сбегали холодные капли. Он двигался на ощупь, находил все новые и новые двери, порой натыкался на что-то во мраке и уже не помнил, сколько комнат миновал, содрогаясь от каждого скрипа. Он остановился, ухватился за выступ стены. Казалось, стоит опустить руки, сделать еще хоть один шаг, и он исчезнет, потеряется навсегда. Пот катился по лицу, словно капли, бегущие по стенам. Глаза шарили по непроглядной темноте нескончаемого дома, а дыхание сотрясало хрипом грудь. «Не входи в пустые дома», – вспыхнула в его памяти свежая надпись на ржавом указателе.

– Не входи, не входи, – прошептал Глеб. Откуда он пришел? И зачем забрел так далеко? Зачем он вообще зашел сюда, идиот?! Глеб развернулся и все-таки заставил себя сделать пару шагов. Потом еще несколько, еще и еще... Где-то в темноте скрывался выход в предыдущую комнату... Что-то грянулось об пол, сбитое им по пути. Ботинки вдруг зачавкали по чему-то вязкому, а руки уткнулись в сплошную стену.

– Нет, нет, нет, – простонал Глеб, зашелестел пальцами по штукатурке, наткнулся на разбухшее от влаги дерево, всем телом толкнул плотно засевшую дверь и ввалился в комнату. Дыхание перехватило, горло сковал спазм – он узнал этот смрад, едва уловимо донесшийся до него еще в прихожей. Сладковатый привкус гнили. Глеб чувствовал его даже на губах. Как и в Королевской Академии.

Здесь было светло, два мутных окна давали достаточно света, чтобы разглядеть окружающий Глеба кошмар. Под его ногами чавкала вода, покрытая тонкой переливающейся пленкой, а в воде горами, осыпающимися липкими грудками лежала рыба. На бледном свету блестели десятки, даже сотни острых почерневших плавников, замыленных мертвых глаз и обмякших тел – от крохотных мальков до метровых туш. А над всем этим гниющим месивом поднимался назойливый, пронзительный шум тысяч сетчатых крыльев мух, опьяненных смрадом падали.

Глеб кинулся назад. Он снова и снова миновал комнаты, бился в закрытые двери, содрогался от чего-то влажного, то и дело касавшегося его лица. На бегу он зацепился за что-то рукой, а может быть это нечто само обвилось вокруг его запястья. Рывок, грохот – и он уже

несся дальше, словно обезумевший от страха зверь. И вдруг Глеб оказался под тремя слуховыми окнами, смотревшими на него голубыми глазами чистого неба. Не замедляясь, он врезался в уже знакомую баррикаду из хлама, которая теперь преграждала дорогу к выходу. Несколько секунд грохота, острой боли, борьбы, и он выбежал под слепящие лучи солнца и захлопнул за собой дверь.

Только теперь Глеб смог нормально дышать. Теплый воздух, наполненный соленым запахом моря, будто очищал его легкие, все еще заполненные зловонием падали. Из неглубокой царапины на боку сочились и проступали через порванную рубашку капли крови. То, что зацепило Глеба в темноте, так и осталось намотанным на его руку – поперек разбитой ладони висла нить пожелтевших от старости жемчужных бус.

Пиджак вместе с запасом инжира канул где-то в бесконечном темном лабиринте, и Глеб, оставшийся в одной рубашке, поспешил поскорее убраться от безумного дома. Снаружи он казался совсем небольшим и уж точно не мог вместить в себя все те комнаты, по которым Глеб метался будто целую вечность.

Перебирая бусы между пальцами, он проходил пустынные перекрестки и терялся в догадках, какого лешего он здесь делает. К ночи придется вернуться к колонке с водой, если на его пути так и не встретится кто-нибудь, способный объяснить, что здесь происходит.

И вдруг до него снова донесся звук. Он приближался, слышался все отчетливей – тихий шелест под аккомпанемент ритмичного визгливого скрипа. Почти что музыка, от которой все нутро Глеба сжалось и скрутилось в узел в ожидании новых неприятностей. Но тут скрип, став совсем отчетливым, вынырнул из-за угла дома. Это оказался велосипед. На нем, как ни в чем не бывало, сидели два мальчишки. Один в седле, а другой, помладше, на багажнике позади. Даже не взглянув на Глеба, дети пронеслись мимо. На каждый поворот педалей скрипела ржавая цепь, а старенький звонок потрескивал в ответ на неровности мостовой.

– Стойте! – заорал Глеб, бросаясь вслед за быстро удаляющимся велосипедом. – Подождите! Мне нужна помощь!

Мальчики заложили крутой вираж и скрылись за поворотом так же стремительно, как и появились. Пробежав еще пару шагов, Глеб остановился, не в силах поверить в эту несправедливость.

– Да чтоб вас... – прохрипел он, но все-таки воздержался от страшных ругательств, так и рвавшихся наружу. Что еще ожидать от детей? Плевать они хотели на чужие проблемы.

Глеб продолжил путь. Должно быть, он сошел с ума. Да, это было самым очевидным объяснением. Теперь он не был уверен ни в чем, и сам город, пляж, море, ужасный дом и дети виделись ему плодом собственного больного воображения.

«Это может быть пагубным влиянием ваших скульптур», – вспомнил он слова Кристины.

И тут среди плоских крыш безжизненных домов он увидел стройную колокольню.

– Неужели, – выдохнул Глеб.

Дорога вывела его на небольшую площадь. С неровной мостовой несколько высоких ступеней поднимались к дверям старой церкви. Фрески, когда-то украшавшие ее фасад, выцвели и оставили после себя лишь мутные цветные силуэты.

Сделав было несколько шагов к ступеням церкви, Глеб остановился. Опыренный радостью, он не сразу понял, что площадь наполнилась тихой музыкой, которая неслась с веранды одного из домиков. Пышный плющ карабкался по балкам навеса и, цепляясь тонкими усиками за каждый выступ, поднимался до самой крыши. В его тени сидел человек и медленно покачивал головой в такт музыке. Отзвучали и стихли финальные аккорды, и незнакомец, взглянув прямо на Глеба, поманил его рукой.

А того вдруг одолело нестерпимое желание убежать с этой площади, из этого ненормального города, забиться куда-нибудь в гущу душного леса и навсегда забыть все то, что он сегодня видел. Но тут человек снова помаhal рукой со словами:

– Юноша, не стойте, как вкопанный, подойдите!

Дребезжащий, но достаточно громкий голос с раскатистым южным акцентом явно подсказывал, что тот, кто укрылся в тени лозы, был очень стар. Ступив под зеленый свод, Глеб смог, наконец, рассмотреть хозяина. Тот казался совершенно бесцветным, будто даже прозрачным и напоминал рыбину из пустого дома: с мутными глазами и ртом, давно лишенным губ. На коленях у старика лежала газета.

– Добрый день, – с трудом произнес Глеб.

– Вечер, если быть точным. Уже половина девятого, – незнакомец уперся в него немигающим блеклым взглядом, а на лице его появилось подобие улыбки.

– Меня зовут Глеб Марков, – продолжил гость, не зная, с чего начать разговор, которого он искал с тех самых пор, как очнулся на пляже.

– Франческо, – ответил старик. Странно, но появление Глеба, грязного, в рваной окровавленной рубашке и с бусами, все еще обмотанными вокруг руки, совершенно его не удивило.

– Франческо, прошу вас, – Глеб подался вперед, хоть и чувствовал себя неловко под неподвижным взглядом. – Я очнулся на пляже несколько часов назад... Наверное, утром. Я не знаю... не знаю, как оказался здесь, должно быть, это какая-то ошибка...

– Нет, не думаю, что это ошибка.

– Вы что-то знаете? Что это за место? – кровь прилила к горячим щекам Глеба.

– Думаю, ты и сам прекрасно знаешь, из-за чего здесь оказался.

– Я... Нет, откуда же мне знать?

Франческо вздернул по-стариковски густые белые брови и протянул ему газету. Поля были сплошь исписаны от руки, мелкий почерк рябил в глазах. Это был испанский? Итальянский? Глеб никогда не увлекался языками, к тому же взгляд его приковала фотография на первой полосе. Хорошо знакомый фасад здания, аккуратный ряд коробов в арках второго этажа... Огромная трещина, поднимающаяся от самой земли, будто одинокий побег плюща. И больше ничего. В пустых, лишенных стекол окнах – лишь серое небо. От Академии художеств осталась одна единственная стена.

«Ошибка во время подземных работ на территории лондонского метрополитена привела к трагедии», – прочитал Глеб. – «В результате аварии произошло обрушение сводов служебных тоннелей, из-за чего квартал между улицами Пиккадилли, Саквилл-стрит и Олд-Бонд почти полностью ушел под землю. Оказался разрушен в том числе и Берлингтон-хаус, в котором исторически располагались Королевская академия художеств и пять научных сообществ. К счастью, большая часть разрушенных зданий была выведена из эксплуатации несколькими годами ранее. Количество пострадавших уточняется.

Не остается без внимания и тот факт, что во время аварии на территории Королевской академии художеств проводилась выставка работ скульптора Глеба Маркова (Россия). В результате подстрекательств и экстремистских высказываний мистера Маркова мероприятие обернулось беспорядками. Организатор выставки Бенджамин Баркли задержан как соучастник подстрекательств, Глеб Марков числится пропавшим.

Подробнее о беспорядках в Академии художеств читайте в уникальном репортаже Кристины Сандерс «Запугай – и управляй».

– Я бы не стал доверять этой газете, – Глеб свернул шуршащие страницы в трубку.

– В каком плане, молодой человек? Насчет метро? Или погрома, который ты спровоцировал?

– Насчет погрома, разумеется.

– А я вот сильно сомневаюсь, что всему виной треклятые тоннели. Нет-нет, – старик покачал головой, когда Глеб попытался вернуть ему газету, – оставь себе, там есть еще одна интереснейшая статья про тебя.

– Да без проблем. Только я до сих пор не понимаю, почему же я здесь?

Франческо закатил белесые глаза к потолку, увитому плющом:

– А что по-твоему должны были сделать с человеком, который разрушил целый квартал?

– Который... Что?! – Глеба вдруг посетила неприятная догадка: видимо, старик страдал слабоумием.

– Ты не понимаешь, почему Академия провалилась сквозь землю? – казалось, Франческо смотрел на него, как на безнадёжного идиота.

– Оттого, что под ней были тоннели, вот отчего! А какая, собственно, вам разница, что со мной произошло? Не можете просто объяснить, где, черт возьми, я нахожусь?

Лицо старика расплылось в морщинистой безгубой ухмылке.

– Могу, – сказал он и откинулся на спинку кресла-коляски, которую Глеб поначалу не заметил. – Но какой в этом смысл, если ты складываешь два и два и упорно хочешь получить пять? Поставь пластинку с самого начала, помоги немощному человеку.

Глеб чувствовал, как вслед за пылающими щеками жаром наливается его грудь. Словно наглухо закрытая кипящая кастрюля – или выпустит пар, или взорвется.

«К черту такие разговоры», – подумал он. – «С меня хватит».

Он заткнул скрученную газету за пояс, все-таки пробежал глазами по веранде и заметил вертушку с замершей виниловой пластинкой. Переставив потемневшую иглу на край черного диска, в круговороте вновь понесшихся по площади звуков он разглядел название: «Игорь Стравинский «Весна священная».

Старик будто уже позабыл о нем, прикрыл глаза и снова закивал головой, погрузившись в музыку. Понаблюдав за ним с минуту, Глеб не вытерпел:

– Что это за место?

Франческо открыл глаза.

– Ты еще не ушел?

– С чего вдруг мне уходить? – его едва не трясло. Нет, этот человек явно был в здравом уме, но добиться от него адекватного ответа, видимо, было невозможно.

– Мне показалось, с тебя хватит этих разговоров. Хорошо. Это остров.

– Остров, – вздохнул Глеб. – Прекрасно, а название у него есть?

– Нет.

Глеб спрятал лицо в ладони. Вот теперь с него точно хватит. Он направился к выходу, виноградная лоза то и дело цепляла его за волосы, и он едва сдерживался, чтобы не разорвать ее в зеленые клочки.

– Есть здесь еще люди?

– Разумеется.

– И на том спасибо!

– Я буду всегда рад пообщаться! – послышался ему вслед голос Франческо.

– Спасибо, только не с вами!

– Как угодно, – пробормотал старик себе под нос, закрыл глаза и медленно закивал в такт музыке.

Глава 3

Приют, дельфины и подарок

Глеб брел через площадь и пытался утихомирить фонтан желчи, разбушевавшийся у него внутри, пока тот не проел его грудь до дыр. Полоумный старикан! Ни слова ведь не скажет попростому, надо эдак все вывернуть, чтобы ты обязательно остался в дураках!

Надежда встретить хоть кого-нибудь, кто мог ему помочь, покидала Глеба еще быстрее, чем последние капли самообладания. На него вдруг навалилась такая усталость, от которой хочется рухнуть и забыться сном прямо там, где стоишь.

Проходя мимо одного из домов, Глеб услышал голоса и остановился, хоть теперь появление людей нисколько его не будоражило. Здание, у которого он оказался, не отличалось изысканностью и напоминало огромный двухэтажный вагон. Казалось, стоит хорошенько приглядеться к рядам окошек, и обязательно увидишь за ними пассажиров со стаканами чая. Перед домом, в заросшем саду, за которым, видимо, кто-то безуспешно пытался ухаживать, стояли ряды пластиковых столов. А за ними сидели люди: мужчины, женщины, подростки... Одни играли в карты, другие тихо переговаривались, кто-то смеялся, пил холодный лимонад, разлитый по запотевшим кувшинам. Некоторые рисовали за мольбертами или поливали цветы, то тут, то там выглядывавшие из густой травы.

А между столами переходила от одного к другому высокая темноволосая девушка. На каждый шаг вокруг ее ног шелестела складками длинная атласная юбка. Девушка поправила несколько мазков на картине, которую писал долговязый парень лет двадцати, взглянула на Глеба и улыбнулась.

– Добрый день, – тот помахал рукой, пытаясь отделаться от чувства, что в происходящем сквозило нечто странное и неприятное. Та снова улыбнулась, и Глеб принял это за молчаливое разрешение подойти.

Он проскользнул между столами в глубину сада, и девушка без лишних вопросов протянула ему стакан лимонада. Люди вокруг продолжали заниматься своими делами.

– Добро пожаловать, – ледяная жидкость обожгла горло гостя, оставив привкус цитруса и мяты. – Меня зовут Лора.

Она наполнила стакан еще раз. Девушка говорила неторопливо, певуче, а голос ее отчего-то напоминал шелест юбки.

– Глеб Марков. Если честно, я совершенно сбит с толку. Может, вы сможете объяснить мне, что здесь происходит? Или хотя бы скажете, куда я попал?

Лора кивнула в сторону домика с оплетенной плющом верандой, откуда все еще слышалась музыка:

– Вы ведь уже разговаривали с Франческо?

– С этим сумасшедшим? – от одного взгляда на лицо Лоры Глеб сразу пожалел о том, что сказал. Ее темные глаза на миг сверкнули, как тлеющие угольки. Не горят – а все равно жгутся.

– Может он немного и занудный, но так его уж точно не стоит называть, – она заговорила быстрее.

– Простите, я не...

– Новые люди появляются на острове не так-то часто, – прервала его девушка. – Все они задают одни и те же вопросы, но отказываются выслушать ответы. Или слушают, но не хотят понимать.

– Хотите сказать, что мне все уже объяснили? – он отпил лимонада, и Лора тут же подлила ему еще. – То есть, «вы попали на безымянный остров из-за того, что разрушили целый квартал» – это, по-вашему, нормальное объяснение?!

Лора пожала плечами:

– Если у вас остались какие-то конкретные вопросы, можете задать их мне. Но для начала лучше немного придите в себя и успокойтесь.

– Я достаточно спокоен, – Глеб почувствовал, как внутри снова закипает нетерпение, – чтобы мне объяснили, где я.

– Вам ведь уже сказали – на острове. И да, у него нет названия. Если хотите точнее – мы, скорее всего, находимся в северной части ионического моря. Еще точнее – в центре моего сада. Больше ничего о том, где вы находитесь, я сообщить не могу. Вам надо отдохнуть, а потом мы сможем еще раз все спокойно обсудить.

Она вдруг заметила рваный край его рубашки, покрытый коркой засохшей крови.

– Подождите, я принесу вам антисептик – снова пропела она, развернулась и направилась к дому. – Вы, должно быть, устали. Можете остаться здесь, у нас есть свободные комнаты.

– Спасибо, – буркнул Глеб. Когда Лора скрылась в доме, он огляделся по сторонам и обратился к молодой паре за ближайшим столом:

– Здравствуйте!

Люди лишь бросили на него короткий взгляд и продолжили тихий разговор.

– Добрый вечер! – повторил Глеб, приблизился к столу и уловил отрывки их речей. Они не смотрели друг на друга – они говорили сами с собой. Мужчина что-то бубнил и вглядывался в ладони, которые держал перед лицом. Женщина тихонько посмеивалась и озиралась вокруг, то и дело помахивая кому-то рукой.

Страшная догадка озарила Глеба, и он сразу направился вдоль столов, прислушиваясь к голосам, вглядываясь в лица, на которых недуг так или иначе оставил свой след. Скрытый от беглого взгляда, но яркий и очевидный, если хоть немного приглядеться. Игральные карты на столах раскладывались в ряды по цветам, мастям и числам, холсты на мольбертах покрывали то беспорядочные цветные пятна, то странные сюжеты, что было невозможно истолковать. Бессмысленные речи и бессмысленные действия кружили Глебу голову. Словно он попал в массовку паршивого театра, где актеры никак не могли связно изобразить нормальную жизнь.

– Вот, позвольте мне обработать рану, – рядом вдруг оказалась Лора. Несколько мгновений Глеб вглядывался и в ее лицо.

– Так все эти люди... – он попытался сказать «сумасшедшие», но слово будто застряло у него в горле.

– Да, это приют, – Лора осталась совершенно невозмутимой. – Для особых людей.

– Особых, – он фыркнул, стараясь больше не смотреть по сторонам, откупорил флакон с антисептиком и приподнял край рубашки. – Что же вы не называете вещи своими именами?

– А почему вы сами не сказали, кем их считаете? Поверьте, мы избегаем этого по разным причинам. Я так понимаю, вы не собираетесь остаться у нас?

– Правильно понимаете, – Глеб снова поймал себя на грубости. – Я, конечно, благодарен вам и за предложение, и за антисептик, и за...

– Не утруждайтесь, – Лора протянула ему тяжелую холщовую сумку, что все это время висела на ее плече. – Еще увидимся.

Глеб кивнул и отправился дальше: через площадь к незнакомой окраине города. Он действительно не хотел оставаться. Как и полагается, еще с пеленок в нем воспитывали вежливость, деликатность, сочувствие – некий набор обязательных душевных качеств нормального человека. Но пресловутое сочувствие никогда не побуждало его к действиям. Оно не могло заставить его самозабвенно кружить вокруг обездоленных, как это делала Лора. Обычно получалось наоборот – бессильное и испуганное сочувствие гнало его прочь. Он не хотел видеть этих «особенных», не желал, чтоб они видели его. Возможно он был в чем-то виноват? В том, что здоров и телом, и душой? Что точно знает, кто он?

Глеб усмехнулся. Сейчас он был не совсем в этом уверен. Он попытался вспомнить, как выглядит его дом в Петербурге, но образ получился слишком расплывчатым и неоднозначным. Это как лицо давно ушедшего любимого человека. Кажется, оно навсегда осталось в памяти, но стоит начать вспоминать – отдельные черты никак не склеиваются воедино. Обычно виной тому время. А все то, что творилось с Глебом сейчас, длилось будто бы целую жизнь.

У дороги, что вела Глеба через город, стояла белая скамейка с витыми подлокотниками. На ней сидел полноватый подросток – скорее всего, еще один подопечный Лоры. Его плоское лицо растянулось в улыбке, странные глаза были слишком широко расставлены, а в их уголках пролегла глубокая тень. Глеб уже видел таких детей, но был бы счастлив никогда больше их не встречать. Мальчик, покачивая ногами, увлеченно перебрасывал из руки в руку тонкую веревку. Это занятие полностью поглощало его внимание, он будто плел причудливый узор из мелькавших петель. Когда Глеб проходил мимо, мальчик оторвал взгляд от веревочки и протянул к нему руки, словно хотел показать свою работу. Глеб отвел глаза и ускорил шаг.

В сумке, что дала ему Лора, он обнаружил несколько бутылок чистой воды, большой бумажный пакет сухарей и – Глеб усмехнулся – сушеного инжира. Удивляться не приходилось: инжир здесь встречался на каждом углу, и его явно не успевали собирать, оставляя плоды на ветках до тех самых пор, пока они сами не осыпались на землю, превращаясь в темные кляксы.

– Ионическое море, значит, – бормотал Глеб. Его снова обступили молчаливые, пустоглазые дома. Казалось, из их мутных окон кто-то неустанно следит за каждым его шагом.

Ионическое море... Между Италией и Грецией? На юге – Средиземное, на севере... Чтоб его, какое-то еще море! Значит, как ни крути, плыть надо на запад или восток. А дорога и так весь день вела его на запад. Но на чем плыть? И сколько он проведет в пути? Насколько далеко может оказаться суша? Возможно, стоило раздобыть карту или понастойчивее расспросить Лору... Неужели эти люди сами не знают, где находятся? Но ведь так не бывает!

Глеб одернул себя. Нет, он не собирался думать об увиденном и услышанном, не хотел даже пытаться совместить эти лоскуты необъяснимого в единую, более или менее разумную картину. Он не должен был оказаться здесь. И точка. А значит, и понимать этих людей не обязан. Глеб шагал по дороге, пиная камешки изодранными носами ботинок. С каждым шагом он все больше убеждался – ему стоит беспокоиться лишь о том, как выбраться с этого проклятого острова.

С наступлением вечера стало скорее не темно, но лишь спокойно – яркие краски и искрящиеся блики отступили, помутнели и, наконец, дали отдохнуть уставшим глазам.

Дорога увела Глеба из города далеко на запад, в сумерки и тень сосновой рощи. Там тропа начала крутой подъем, а корни сосен, выглядывающие из песка, переплелись в подобие ступеней. Под ногами шелестел серый песок и иногда похрустывали сухие шишки.

Восхождение окончательно измотало Глеба. Он опустился на все еще теплую землю, прислонился к одной из сосновых башен и достал бутылку с водой из сумки. Только сейчас он понял, что Лора принесла ее до того, как он отказался от ночлега в приюте. Она сразу знала, что он откажется? Или на самом деле не собиралась ему помочь?

«Хватит!» – прервал он свои размышления. – «Никаких догадок! А это еще что?»

За поясом у него оказалась скрученная в трубку измятая газета, о которой он начисто забыл. И хоть в сумраке текст оказался едва различим, Глеб все-таки отыскал нужную страницу. С нее сверкала уже хорошо знакомая невеселая улыбка Кристины Сандерс. На фотографии было не разглядеть почти сведенных веснушек, и от этого ее лицо казалось каким-то пластмассовым.

«Кристина Сандерс, корреспондент и редактор издания «СилаСлова» оказалась не только участником выставки в Королевской Академии художеств, но и свидетелем беспорядков, и одной из пострадавших от аварии в лондонском метрополитене», – Глеб так впился взглядом в текст, что газета того и гляди могла задымиться и полыхнуть в его руках.

«К счастью, мисс Сандерс не получила тяжелых травм, и даже ответила на несколько вопросов нашего корреспондента Конора Брэйва.

– Кристина, расскажите, пожалуйста, почему вы решились посетить Королевскую Академию? Думаю, всем известно, что подобные мероприятия вашего одобрения никогда не дождутся.

– Думаю, уж вы, Конор, должны меня понять. Журналиста можно встретить и на войне, и на пожаре, и на выставке. Это наша работа, хотя я предпочла бы войну.

– Действительно, не могу с вами не согласиться. А что вы можете сказать о полном запрете на демонстрацию произведений искусства, который приняли сразу после трагических событий в Академии?

– Знаете, я бы не назвала эти события трагическими. Я сейчас, разумеется, говорю о беспорядках, а не об аварии. Они, скорее, закономерны. Провокация мистера Маркова стала последней каплей в море художественного беспредела. И я всей душой поддерживаю введенный запрет. Искусство – это страшная вещь. Вернее, страшный инструмент, почти что оружие. Ни о какой свободе мыслей не может быть и речи, когда оно может добраться до широких масс. Современный человек думает самостоятельно и независимо. Мысль, личное мнение – это ценность и право каждого. А что делает искусство? Оно, как нам даже признался мистер Марков, несет в себе идею автора.

– Оу, как грубо!

– Еще бы! Я бы даже сказала, не идею, а целую бомбу, начиненную мыслями, ценностями, мировоззрением и еще бог знает чем. Но главная опасность даже не в этом.

– А в чем же?

– В том, что эта бомба не подается зрителю напрямую. Она заключается в образ, принимается подсознательно, подсовывается исподтишка. Подкрепляется эмоциями и действует на человека в обход сознательного. Как опять же признался мистер Марков, его изваяния создавались как раз для того, чтобы вызывать страх.

– Неужели он так и сказал?

– Представьте себе. Запугать – и управлять.

– Это действительно страшно! К счастью, запрет уже вступил в силу, и личности, подобные мистеру Маркову, нам больше не угрожают...»

Глеб швырнул газету в песок. В темноте читать дальше было совершенно невозможно, да он и не вынес бы больше ни строчки этого абсурда. Он осушил бутылку, потер глаза, но перед ними все кружила и никак не могла наконец сгнать улыбка Кристины. Ему бы лишь отдохнуть пару минут, и он отправится дальше. Он во что бы то ни стало вернется, и тогда, и тогда...

Руки Глеба ослабли и выпустили бутылку, ряды сосен поплыли перед глазами, и, вопреки предостережениям рассудка, Глеб погрузился в сон.

Перед ним лежало зеркало моря, а кругом было настолько светло, что хотелось зажмуриться. Но, сколько Глеб ни вглядывался в небесный свод, он так и не сумел найти солнца. Свет будто был в самом воздухе, клубился вместе с паром над водой и бризом проносился над берегом. Глеб до боли в глазах всматривался в пустую даль в поисках источника этого необъяснимого сияния. И вдруг он его нашел. Как он мог не увидеть его раньше? Там, где еще пару минут назад было лишь море, теперь возвышалась огромная фигура. Она словно восстала прямо со дна и показалась во всей красе после многих лет, проведенных под водой. Именно от нее исходил свет: от обращенного к облакам лица, от легких перьев, даже от загнутых когтей.

– Сирин? – выдохнул Глеб, пораженный такой неожиданной встречей. – И ты теперь здесь?

Он был благодарен морю. Не было даже сомнений, что его темная глубина вернула к жизни ту, что погибла на его глазах. Теперь она высилась до самых небес, заменив в этом краю солнце.

Вдруг порыв ветра потревожил поверхность моря, превратив его зеркало в миллионы осколков мелкой ряби. Отражение исполинской фигуры задрожало и рассыпалось в яркую крошку, но сама Сирина осталась неколебима. Ветер крепчал, и вот уже тяжелые волны бились о поднимающиеся из воды когти, небо за мгновение заволокло тучи. А Глеб нисколько не боялся за свое детище. Теперь, что бы ни произошло, она бы выстояла.

Тут густая тень ярко очертила горизонт. Она росла, быстро приближаясь к берегу, и через несколько мгновений вслед за ней к острову пронесся ужасающий рев. Глеб попятился – загибая пенящийся гребень, на побережье наступала огромная волна, готовая одним махом накрыть все, что окажется у нее на пути. С оглушающим грохотом она ударилась о распростертые крылья Сирина, и Глеб упал, не в силах больше выносить этот страшный звук.

Он открыл глаза и впился пальцами в песок. Над дорогой из сосновых корней все еще расплзался вечерний мрак, а кошмарный сон стоял перед его глазами пугающей картиной. Должно быть, он проспал всего пару минут. Шум волн будто до сих пор слышался ему в вечерней темноте. Или не слышался? Глеб тряхнул головой, поднялся на ноги, замер. Нет, шум прибоя вовсе не преследовал его из мира грез. Он был здесь – неся над верхушками сосен и стелился по остывшему песку.

Мгновение, и Глеб уже карабкался вверх по все более крутой тропе, а шум волн становился все отчетливей.

Через пару минут склон привел его на широкую и плоскую вершину холма. Впереди начиналась монолитная громада моря, над которым ветер нес прохладный привкус соли. Глеб замер, опьяненный этим запахом и простором. Разумеется, он не увидел ни исполинской статуи, поднявшей голову к ночному небу, ни вздымающейся где-то вдалеке стены воды и пены. Лишь все то же бесконечное, бездонное море. Глеб приблизился к краю вершины, вглядываясь в укрытую ночью даль. Ничего. Лишь вода – до самого горизонта. А ведь где-то там, за несколько десятков или от силы сотню километров его ждал континент, на который он должен во что бы то ни стало попасть. Да, это напоминало бегство наобум. Но не хочешь – оставайся, хочешь – рискни. Пожалуй, он готов рискнуть. Надо лишь осмотреть побережье и найти хоть какой-то транспорт.

– Очень самонадеянно, милоч, – вдруг донесся до него скрипучий голос.

Глеб обернулся, зашарил глазами по вершине и лишь сейчас заметил, что в тени одного из деревьев пристроилась неказистая лавочка. На лавочке сидела сгорбленная старуха, а над ней, среди листьев, покачивалась подвеска с несколькими длинными лесками. На них едва слышно позвякивали на ветру стеклянные бусины и цветные дельфинчики.

– Что вам от меня нужно? – Глеб подошел к скамейке и, наконец, различил скрывавшееся в темноте лицо старухи.

– Да что ты, миленький, мне-то ничего не надо! – махнула она тонкой рукой. – А тебе нужно! Ты думаешь, что должен убраться отсюда.

– И пусть, это и так понятно. Зачем мне здесь оставаться, – подобные встречи уже порядком надоели Глебу.

– Попробуй, – пожала плечами старуха. – Хочешь осмотреть побережье? Так ступай, справа на склоне начинается хорошая тропка. По ней можешь спуститься на пляж. Но только уплыть с острова у тебя не получится.

– С чего бы это? – хмыкнул Глеб, отходя в сторону и уже высматривая тропу.

– Волны не пустят.

– Чего?

– Волны идут, и они тебя не выпустят.

– Ну, это мы еще посмотрим, – Глеб вернулся к старухе. – Вы меня, бабуль, конечно, извините... Но мне надоело весь день выслушивать этот бред. От каждого, кого я встречаю! Поэтому, пожалуйста, оставьте меня в покое, я сам как-нибудь справлюсь.

– Конечно, милоч, тебя никто не будет останавливать, – сказала старуха, закричала и поднялась на ноги. Она оказалась просто крошечной – худой, скрюченной, ростом почти что с ребенка. Старушка с шумом потянула морской воздух и вздохнула:

– Нравится мне это место. С этой лавочки каждый раз открывается прекрасный вид. Хотя, порой ее оказывается трудно найти, – она отвернулась и заковыляла к дороге, по которой Глеб поднялся на холм. – Когда надумаешь вернуться к нам, имей в виду, что я часто здесь бываю.

– Не «когда», а «если», – пробурчал Глеб, наблюдая, как сгорбленная фигура скрывается за гребнем холма. Для него осталось загадкой, как такая тщедушная старушка преодолет крутой спуск, который с трудом осилил мужчина. Впрочем, он не стал это проверять и направился к обнаруженной тропке, что действительно спускалась по склону к виднеющейся далеко внизу полоске пляжа.

Спуск оказался куда сложнее, чем сначала подумалось Глебу. Пару раз он оступался и с пугающей скоростью ехал вниз, цепляясь руками за низкий кустарник. К счастью, скоро под его ногами зашуршала почти невидимая в темноте трава – он вышел на пологий участок склона, к которому прилегала отвесная скала песчаника. Стемнело. Спускаться дальше становилось опасно – Глеб двигался почти наощупь, придерживаясь рукой за склон, крошащийся от единого прикосновения пальцев. И тут рука его скользнула в углубление – Глеб остановился, присел и, вглядываясь во мрак, прошел ладонями по краям неглубокой ниши в склоне. Ее потолок и стены были сплошь увиты корнями сосен. Недолго думая, Глеб выгреб мелкие ветки, листья и камни с пола ниши, залез внутрь и опустил измотанное тело на мягкий песчаный ковер.

Усталость, темнота и гулкая колыбельная прибоя сделали свое дело. Уже засыпая, Глеб поймал себя на сонной и неповоротливой мысли: а ведь старуха говорила с ним по-русски.

Проснулся Глеб рано – это было ясно и без часов. Сырой утренний сумрак поднимался по склону и забирался в нишу, где продрогший Глеб устроился на ночлег. Солнце вставало где-то за холмом и бросало лучи лишь на яркую лазурную полосу моря вдалеке. Глеб, подрагивая и растирая холодные руки, выбрался на склон, проверил содержимое сумки, что он получил от Лоры, и не смог отказать себе в скромном завтраке. Когда он, наконец, продолжил спуск, солнце уже коснулось отмели за пляжем. И вот излишняя самоуверенность легонько подтолкнула его в спину, заставив преодолеть остаток пути вниз кувырком.

На гладком после отлива песке тянулась цепочка глубоких следов, медленно наполнявшихся водой. Они следовали за Глебом и делали его единственным нарушителем покоя в этом безлюдном краю. Впереди – лишь желтая полоса пляжа, уходящая за скалы береговой линии, справа – крутой склон, слева – море. Поначалу Глеб вглядывался было в даль, но быстро оставил эту идею и брел вперед в ожидании перемен. Как говорится, кто ищет, тот всегда найдет. Правда, не обязательно то, что он искал.

Тем временем солнце выглянуло из-за рваного гребня холма, и вьелось раскаленным взглядом в песок пляжа. Когда Глеб добрал до куцега подлеска, что оказался за поворотом берега, он был совершенно вымотан. Опустившись на землю в тени неизвестных ему деревьев, он в который раз достал бутылку, на доньшке которой еще плескались последние глотки воды.

Глеб закрыл глаза, перебирая мелкий жемчуг бус, которые он до сих пор зачем-то нес с собой. Сколько он мог вот так брести по берегу? День? Неделю, месяц? И с чего он взял, что на его пути откуда ни возьмись появится какой-нибудь причал с лодкой, которую, к тому же, ему без вопросов отдадут? Как же опрометчиво было пускаться на поиски, не расспросив местных, пусть даже они были странными и неприятными. Но возвращаться теперь было слишком далеко, а к тому же очень глупо. Нет, он справится сам. Надо только найти воду.

Он поднялся с земли, подхватил заметно полегчавшую сумку и замер.

Из-за дерева, скрывшись в тени листвы, кто-то выглядывал. Не успел Глеб и рта раскрыть, как этот юркий кто-то уже шмыгнул обратно в заросли. Глеб все же разглядел крохот-

ное курносое лицо, которое через мгновение показалось снова, сверкая из тени любопытным прищуром.

– Привет, – медленно сказал Глеб, будто от любого его слова ребенок мог тут же исчезнуть.

Неторопливо, будто опасаясь спугнуть диковинного зверька, он опустился на колени. Раньше Глебу не доводилось разговаривать с детьми, и теперь единственное, что пришло ему в голову – просто не совершать резких движений и не издавать громких звуков.

– Я тебя не обижу, не бойся. Ты меня понимаешь? – спросил он. В ответ из-за дерева появились тонкие ручки, светлые и легкие, словно пух, кудряшки и, наконец, вся девочка целиком.

На вид ей было совсем немного, может быть, лет шесть. Глеб не имел ни малейшего представления о том, как дети выглядят в том или ином возрасте. Одета она была в подобие изношенной школьной блузки, на которой едва виднелось темное пятно, некогда, вероятно, бывшее эмблемой учебного заведения. Серая, тоже похожая на школьную юбка была ей явно велика, а лишнюю ткань, запахнутую широкой складкой, подпоясывала веревка. Но больше всего Глеба поразили «украшения», тут и там нанизанные, подвязанные, вплетенные и приколотые к одежде. Здесь были и перышки птиц, и ракушки, и блестящие бечевки, и цветные стекляшки, и даже крышки от бутылок, сопровождавшие каждый ее шаг звоном и лязгом.

– Ты понимаешь меня? – спросил Глеб уже по-русски, все еще надеясь услышать от нее хоть слово.

Девочка ответила лишь полуулыбкой, протянула перед собой руки и встряхнула целой кипой веревочек, резинок и цепочек из всяческого хлама.

– Да, очень красиво, – развел руками Глеб. – Может ты расскажешь, как тебя зовут, и есть ли где-нибудь здесь дома?

Тут ребенок, снова оставив его слова без какого-либо внимания, ахнул и уткнулся взглядом в жемчужную нить, все еще обмотанную вокруг ладони Глеба. Ну, вот и подвернулся предлог разговаривать эту странную малышку. Глеб покачал в воздухе бусами, от которых девочка не могла оторвать глаз.

– Красивые, правда? – спросил он. – Поговори со мной, и я тебе их отдам. Это будет подарок.

– Подажок? Подажок! – вдруг крикнула девочка и затопталась на месте, отчего все ее украшения угрожающе зазвенели. – Подажок!

Глеб вздохнул. Видимо, только сейчас он произнес одно из английских слов, известных девочке. И, судя по всему, таких слов в ее лексиконе было совсем немного. Как и русских. Он протянул малышке бусы, и уже через мгновение драгоценный подарок соседствовал на ее шее с ожерельем из перьев.

– Спасе-е-ебо, – девочка улынулась, и ее глаза превратились в две веселые щелочки. Еще секунда – и она скрылась в зарослях, а Глеб снова остался в одиночестве.

Через несколько часов пути ощущение, будто с минуты на минуту он найдет желаемое, совершенно оставило Глеба. Бухты, скалы, камни мелькали перед его глазами, совершенно неотличимые друг от друга. Единственной волнующей находкой оказался ручей, на который он наткнулся, пробираясь через растрескавшееся каменистое плато. Глеб наполнил бутылки и уже было приободрился, но вскоре его приподнятое настроение беспощадно испепелило солнце. Берег пошел в гору.

«К черту», – думал Глеб, карабкаясь вверх навстречу бледно-голубому небу. – «Если впереди не окажется ничего, кроме этого бесконечного пляжа, придется вернуться... Отложить поиски... Как же все это глупо, глупо!»

И вот, фыркая и отплеываясь от песка, Глеб, наконец, выбрался на вершину, с некоторой гордостью обозревая открывшийся перед ним пейзаж. Внизу, как он и ожидал, резала глаза

сплошная желтая гладь пляжа, а за ней... песок сменялся бледной сухой землей. Еще чуть дальше на берегу Глеб увидел крошечный домик и уходивший от него в воду пирс. Рядом на волнах покачивалось расплывчатое пятно. Лодка?

Глеб не раздумывая кинулся вперед, покатился по склонам дюн, не обращая никакого внимания на песок, забившийся в ботинки. Те самые ботинки, что он берег от грязных луж по пути в Королевскую Академию каких-то... два дня назад? Три? Семь? Уже не важно. Он узнает обо всем, когда вернется, когда, наконец, окажется среди нормальных людей, в том месте, которое отмечено на карте и даже имеет известное всем название.

Тем временем домик становился все ближе. Прямо от его крыльца в море уходил потемневший от времени и проеденный солью дощатый причал, к которому, действительно, оказалась пришвартована моторная лодка. Легкие волны тихонько постукивали ее бортом по причалу, словно тоже оказались здесь незваными гостями. Глеб замер на пороге дома. Он запыхался, дыхание его никак не хотело выравниваться, а мысли – приходить в порядок. Вот он постучит в дверь, а что дальше? Поздоровается с хозяином и попросит одолжить у него лодку? Надолго? Навсегда? А что он мог предложить взамен? Изодранные ботинки, пару бутылок воды и горсть сухарей. Да, достойная плата. «Разберемся», – решил Глеб и заставил себя постучать в дверь. Получилось слишком уж громко. Он вдруг вспомнил о кошмарном пустом доме, в котором ему уже довелось побывать. Постучал снова, и вновь не получил ответа. Лодка маянце качалась у пристани и приковывала взгляд. Бери да плыви. Глеб постучал третий раз, приложил ухо к двери, а потом шагнул на пирс, неприятно просевший и заскрежетавший под ногами.

Был отлив, и лодка, довольно потрепанная, но целая, едва не шаркнула по затянутому водорослями дну, когда Глеб перебрался на нее с низкой пристани. Оба весла были на месте, а топлива оказалось предостаточно не только в двигателе, но и в тяжелой канистре, что скрывалась под сиденьем. Едва услышав волнительный гул заработавшего мотора, Глеб тут же заглушил его и обернулся. Закусил губу, заглянул в сумку будто в надежде, что в ней прибавилось припасов, выругался и направился к дому.

Раскаленная на солнце дверная ручка поддалась, заскрипела, и тихий щелчок возвестил о том, что дверь не заперта.

– Есть кто? – Глеб заглянул в едва приоткрывшуюся щелку, потом крадучись перешагнул порог.

Его не окутал ни тошнотворный запах тлена, ни тьма, перед которой был бессилён дневной свет. Он оказался в довольно безобидного вида комнате, которая, видимо, занимала весь дом и вмещала кухню, гостиную и спальню сразу. Толстый слой пыли, заметный даже во мраке, вселял надежду, что дом пустовал уже давно.

– Извините, мне это очень нужно, – прошептал Глеб и принялся шарить по шкафам, полкам и ящикам, готовый в любую секунду найти большую дохлую рыбину где-нибудь под кроватью. Однако, единственным, что заставило его недоуменно нахмуриться, был старый гардероб, доверху забитый одеждой. Мужская, женская, детская одежда, летние платья и ужасно тяжелые теплые куртки, деловые костюмы и ночные сорочки – все это кучами громоздилось на полках и было, к тому же, совершенно разных размеров, от крохотных до просто огромных. Глеб вообще сомневался, бывают ли на свете люди с таким размером купальников.

Через четверть часа у него уже были приличная сумка с консервами, сухими хлебцами, водой и даже несколькими бутылками лимонада, пара веревок, фонарь, плотный дождевик, высокие резиновые сапоги и отвратительное ощущение, что он занимается самым настоящим грабежом. Чем дольше он находился здесь, тем больше его подгонял страх и тем крепче становилась надежда, что дом был брошен. Эта мысль утешала его до тех самых пор, пока он не услышал шаги. Прямо над собой – на втором этаже. Глеб замер, едва не выпустив из рук

поклажу. Кто-то прохаживался там, наверху, из одного угла комнаты в другой, тяжело топая и поскрипывая досками. С потолка бледной струйкой сыпалась пыль.

Без единого шороха Глеб сложил на пол все найденное добро, в два бесшумных прыжка оказался на улице... и расхохотался. У домика не было ни второго этажа, ни чердака, ни мансарды, зато по его крыше бродила жирная морская чайка, смахивавшая на обросшую перьями грушу. Она смирла Глеба туповатым взглядом сначала одного, а потом второго круглого глаза, грузно поднялась в воздух, поймала ветер и понеслась над водой, оглашая округу своей истошной песней.

Все еще посмеиваясь, Глеб вернулся в дом, накинул дождевик, сменил ботинки на сапоги, подхватил брошенную поклажу – и снова услышал шаги. Когда там, наверху, кто-то зашелся хриплым кашлем, Глеб, вцепившись в сумки, выбежал из дома, запрыгнул в лодку и не оборачиваясь понесся на запад.

Глава 4

Волны идут

Лодка мягко рассекала водную гладь, соленые брызги плясали выше бортов, а за суденышком бурлила и пенилась белая полоса кильватера.

От громады моря не хотелось отрывать глаз – оно больше не казалось злой силой, отрешившей Глеба от собственной жизни. Сейчас море несло его вперед, туда, где он был далеко не безликим странником, неизвестным и беспомощным. Назад, домой.

Он старался не думать о том, что произошло в хижине на берегу, и не отрывать глаз от горизонта, где надеялся вскоре увидеть континент. Хотя ему очень хотелось обернуться.

Вдруг волны и лазурная гладь исчезли. Перед глазами Глеба яркой, пугающе-живой картиной предстал душный зал. Шум воды превратился в пронзительный треск, а пляшущие в воздухе капли стали пестрыми осколками. Он будто снова оказался там, под крышей Академии, снова почувствовал под ногами хруст обломков, а в воздухе и даже на языке привкус пыли. Воспоминания обрушились на него так внезапно и ярко, словно чья-то незримая рука подхватила его за шиворот, выдернула из лодки и бросила на холодный пол того страшного дня. Видение исчезло так же неожиданно, как и появилось. Глеб наклонился к борту лодки, обеими руками зачерпнул соленой морской воды и окатил иссушенное ветром лицо. Ему нужно было отдохнуть, или запредельная усталость грозила обернуться помешательством.

Он снова зачерпнул воды, и тут взгляд его все-таки упал на удаляющийся берег острова. Домик с причалом исчезли. Глеб замер. Неужели он уже сбился с курса и начал понемногу огибать остров? Быть не может. Вот и каменистое плато, и склон песчаника еще видны. А где же...

«Не мое дело», – напомнил себе Глеб и отвернулся к горизонту. Как бы то ни было, по спине его пробежали мурашки. Чтобы, наконец, позабыть об острове, Глеб принялся обдумывать дальнейший план. Куда бы он ни добрался, первым делом надо было как-то связаться с русским посольством. И тогда... Он представил, как вернется в Петербург. Его квартира на Петроградской стороне занимала мансарду старого дома и, по сути, была просто огромной студией с единственной кроватью, кое-как пристроенной в свободном уголке. Раньше там жили его работы – годами, постепенно превращаясь из груды сырого материала в почти что живое существо. А теперь его дом опустел. Куда ему возвращаться? Кто омоет его имя от позора, кто сможет пообещать, что кошмара в Академии больше не повториться? Никто. Он теперь никто.

Перед его глазами, словно мгновенно накотивший сон, возникла новая картина: прямо перед Глебом над растрескавшейся землей высилась стена. Покосившаяся и пронизанная провалами пустых окон, она напоминала чучело животного. Что-то давно мертвое, выпотрошенное, но все еще стоящее на ногах и скалящее зубы. Вокруг стены, которая теперь мало чем напоминала фасад Королевской Академии, разрастался причудливый и неправильный узор руин. Похоже, в городе больше не уцелело ничего. Глеб попятился, взмахнул руками, пытаясь отогнать видение.

Он ухватился за борта лодки, согнулся, чувствуя на руках и шее уколы холодных брызг. Что с ним творилось? Похоже, собственное сознание глумилось над ним, выворачивая наизнанку мысли и воспоминания.

Глеб едва оторвал взгляд от своих новеньких сапог, уже покрытых разводами соли, и вдруг почувствовал, что воздух вокруг потяжелел и словно опустился грузом на его плечи. Когда погода успела так измениться? Небо больше не бледнело за вуалью дымки – оно, темное и глубокое, превратилось в месиво грозových облаков. На лодку налетел и захлопал дождевиком ледяной западный ветер. В море будто просыпались и неторопливо ворочались гребни волн.

Впереди, сколько бы Глеб ни вглядывался, не было ничего, кроме бурлящего неба и воды. У него перехватило дыхание, когда позади лодки, там, где он надеялся увидеть остров, оказалась та же бушующая тьма. Дребезг мотора потерялся в рокоте шторма.

– Нет, нет, нет! – неожиданно для самого себя заорал Глеб куда-то в пустоту. – Я не вернусь!

И словно в ответ на этот крик, по его лицу ударил мелкий дождь.

Растущие волны грозились перевернуть лодку, швыряли ее и били днищем о будто каменную воду. Глебу уже доводилось плавать в шторм – много лет назад, когда на катерке отца они ходили вдоль южного берега Дэвона. Это был хорошо знакомый маршрут: по водам Ла-Манша, до устья реки Дарт, а дальше – вверх по течению почти до самого Тотнеса, где отец оставлял на стоянку катер. Глеб был маленьким, но отлично помнил тот день. Шторм застал их недалеко от берега, они без приключений причалили в порту Дартмута, но мать после запретила им плавать вместе. Грозилась даже, что больше никогда не разрешит им видаться. Глеб, конечно, был уверен, что это лишь пустые угрозы, но вскоре она увезла его в Петербург.

– Нос на волну! – выкрикнул он одну из тех отцовских команд, что навсегда засели в его памяти. – Не подставляй борт!

Через некоторое время суетливый страх начал понемногу отступать. Глеб словно поймал ритм и скорость хода, лодка взбиралась на одну волну за другой и плавно скатывалась, медленно продвигаясь все дальше на запад. Он даже привязал себя веревкой к скамье, чтобы какая-нибудь крошечная ошибка тут же не стоила ему жизни. Оставалось следить, чтобы суденышко не ныряло носом, а вода не заливала двигатель. Если шторм не усилится, то, скорее всего, он справится. Только бы не возвращаться назад.

Море еще никогда не казалось Глебу таким огромным. Только потемнев и обезумев, оно выдавало свою глубину, а пенящиеся валы явно давали понять, какая ледяная пучина кроется под изношенным дном лодочки.

– Нос на волну! – снова закричал Глеб. Было в этом буйстве и рокоте нечто будоражащее. Страх мешался с восторгом, рокот валов – с раскатами грома, а пресные капли дождя неслись вихрем вместе с солеными брызгами. Тело до дрожи боялось смерти – душа ликовала и подпевала ветру.

И тут впереди показался берег. Он появился из мглы облаков и смутным узким гребнем протянулся вдоль горизонта. Едва суша исчезала из виду за новой волной, Глеб спешил и надеялся увидеть ее снова. Он почти справился, почти выбрался!

Восторг его длился недолго. Глеб почувствовал, как руки его немеют, а дышать становится все труднее – ужас вцепился в горло, покрыл испариной холодный лоб. Гребень рос слишком быстро. Становился все выше, выше... Казалось, не лодка неслась к уже широкой и отчетливой полосе на горизонте, но та сама приближалась с пугающей скоростью. Это был не берег. Глеб даже мог различить, как движется масса воды от подножия гребня к его пенящейся вершине. Это была Волна.

Не сбавляя скорости, он навалился на штурвал и на несколько мгновений подставил борт лодки под удар одного из невысоких, но опасных валов. «Нос на...», – не успела мелькнуть запоздалая мысль, как вал обрушился, перекатился через борт, лег в лодку и застелил ее застывшими потоками. Он, словно шупальце гигантской мифической твари, зацепился за лодку и тянул ее вниз, на дно, все больше и больше накрывая несчастную посудину. Не успев осознать ненормальности происходящего, Глеб всем телом навалился на застывшую тягучую массу. Она мягко спружинила под его напором, ладони погрузились в будто резиновую прозрачную толщу воды. Несколько рывков, и волна отпустила суденышко, скользнув за борт.

Глеб видел растущую стену воды, которую он принял за берег. Она вздымалась метров на пятьдесят, клубилась туманом пены где-то у вершины и шла к острову, будто подминая под себя мелкие валы, что неторопливо перекатывались перед ней.

Надежда добраться живым до берега таяла еще быстрее, чем приближалась эта чудовищная Волна. Глеб никогда бы не поверил, что в подобной ситуации он сможет сохранить хоть сколько-нибудь трезвый рассудок. Пусть инстинкты и заставляли его оборачиваться, хвататься за тросы и пожирать глазами горизонт впереди, разум уже осознал неизбежность кончины. И что с того, если он доберется до берега? Острову конец.

Эти мысли, неоспоримые и глухие к надеждам и слезам, теснило лишь одно: безумное желание жить, дышать, чувствовать под ногами твердую землю, а над головой – ясное небо. Желание любого существа, зависшего на мгновение между жизнью и смертью.

Глеб снова обернулся и попытался оценить расстояние до Волны, когда в небе полыхнула мимолетная молния. Вспышка на один миг затмила все кругом слепящей белизной и будто очертила позади лодки огромный силуэт. Глеб замер – тот был ему слишком хорошо знаком. Многие месяцы этот силуэт встречал его на входе в мастерскую, со временем приобретая все более четкий контур крыльев, волос и покрытого перьями тела. Эту фигуру он не мог спутать ни с чем, ведь каждая ее черта была доведена до совершенства им самим. Ясное, но мимолетное видение явилось в отблесках молнии и тут же исчезло.

Волна настигла Глеба в тот самый миг, когда из мглы впереди показался спасительный берег. Рев ее стал оглушающим, достиг, казалось, своего предела. И тут грянул взрыв. Вал будто разорвало – гребень осел, разбитый вдребезги о нечто огромное, на мгновение преградившее ему путь. Когда гладкий изгиб Волны треснул, в брызгах и ключьях пены Глеб увидел тот же силуэт. Сирин.

Думать об увиденном не было времени – даже после крушения вала шторм не собирался стихать. Ветер толкал Глеба в спину, а тот вглядывался в очертания острова, подыскивая подходящее место, чтобы причалить. Хотя, куда там причаливать – ему бы просто выброситься на берег, не свернув шею... Вот теперь на Глеба накатило отчаяние. Он надеялся оставить этот остров навсегда, а теперь несся к нему в страхе.

Волны догоняли лодку, которая норовила зачерпнуть то одним, то другим бортом и круто задирала нос, когда под ней прокатывался очередной вал. Глеб каждый раз поддавал скорости, чтобы подольше оставаться на гребне: если только удержаться, волна сама выбросит лодку на берег. Так, по крайней мере, он надеялся.

– Давай, давай, давай! – крикнул он и почувствовал, что поймал волну и теперь несется к берегу на ее гнутой спине, как заядлый серфер. Почти что летит.

Но вдруг корма пошла вверх, и лодка зарылась носом в облако пены. Неистово зажужжал винт, вырванный из воды, а из-под сиденья выскользнула, прокатилась по днищу и исчезла за бортом сумка с припасами. На мгновение Глеб завис в наивысшей точке этих дьявольских качелей, вспомнил, что привязал себя веревкой, и шлюпка перевернулась. Удар, соленый и леденяще страшный вкус воды, вихрь, начисто стирающий из памяти слова «верх» и «низ». Глеба швыряло и волокло куда-то, он бился об лодку, чувствовал, как все сильнее путается вокруг него веревка, а новенькие сапоги становятся все тяжелее и тянут его ко дну. Он закричал и захлебнулся.

Глеб проваливался все глубже и глубже в темную пустоту. Не падал, как это часто бывает во снах, когда ветер свистит в ушах, а ты собственным затылком чувствуешь, что вот-вот расшибешься в лепешку. Он проваливался неспешно, плавно, словно невесомо.

– Интересно, и далеко еще до дна? – подумал Глеб и вдруг заметил обломки. Кирпичи, куски асфальта, смахивавшие на грязные серые льдины, оконные рамы, вырванные с петлями двери, каменные плиты – эта куча лома тонула вместе с ним, окружив Глеба, как косяк странных рыб.

– Со мной-то все ясно, – продолжал рассуждать Глеб. – Лодка перевернулась, и я теперь тону. Но откуда здесь эти развалины? Они-то почему проваливаются вместе со мной?

Мимо него, словно стайка мальков, пронеслась груда цветных черепков: перьев, завитков волос...

И тут он вспомнил. Он ведь сам пожелал Академии провалиться! Так и сказал, слово в слово! Вот она и рухнула, будто карточный домик – от одного неловкого случайного движения. И теперь вот они, ее обломки, медленно тонут вместе с ним.

Тут спина его коснулась дна, Глеб почувствовал под пальцами крупную гальку. Над ним, далеко-далеко, где-то за толщей воды было небо и солнце. Но он их не видел: над Глебом нависли обломки, что спешили за ним на дно и собирались через несколько мгновений завалить его с головой.

Под пальцами скользила мокрая галька. Глеб открыл глаза, закашлялся, перекатился на живот, и его довольно долго рвало жгучей соленой водой. Руки его тряслись, но он все-таки сумел отползти подальше от линии прибоя, еле волоча ноги в тяжелых сапогах, и рухнул, не в силах поверить, что выжил.

Когда он, наконец, сумел сесть и осмотреться, выяснилось, что его по-прежнему накрепко опоясывала веревка. Второй ее конец так же надежно был привязан к сиденью, вырванному из лодки. Оказывается, Глеб старательно волок его за собой.

Где-то в бушующем прибое еще мелькали обломки суденышка, а оторванный винт то и дело выбрасывало волнами на берег и тут же тащило обратно в море вместе с гремящей галькой. Дождь закончился.

Глеб еле как стянул сапоги и вылил из них воду – потом одеревеневшие от холода ноги никак не желали залезать обратно. Тело ломило и потряхивало, на затылке ныла внушительных размеров ссадина, а в гудящей голове вертелась единственная и будто не совсем уместная мысль, которую Глеб повторял вслух снова и снова. Словно хотел получше осознать и свыкнуться с этой невероятной идеей.

– Я разрушил Королевскую Академию... Я разрушил Королевскую Академию? Да, это я разрушил...!

– Наконец-то! И хорошенько ведь должно было тебя потрепать, чтоб дошло! – проскрипел знакомый голос.

Глеб обернулся. Прямо позади него, под сухим деревцем, стояла покосившаяся скамейка. На ней сидела и морщила лицо в улыбке крошечная старушка, а прямо над ее головой, прорезаясь сквозь рокот прибоя, бренчала подвеска со стеклянными дельфинами.

– Ты, должно быть, просто сумасшедший, раз решил поплавать на этой посудине, – продолжила она, неловко поднимаясь и ковыляя к Глебу.

– Но как же так, – пробормотал тот. – Вы что, искали меня по всему берегу?

– Нет, просто решила остаться здесь после нашей встречи и подождать, когда ты вернешься. Хорошо хоть меня предупредили, что первая Волна до берега не дойдет. Но до второй мы должны успеть в город! Так что вставай поскорее, и пойдем.

– Мне казалось, мы виделись вовсе не здесь, – сказал Глеб, поднимаясь на ноги и поскрипывая мокрыми сапогами.

– Здесь, здесь, милоч. Я старый человек. Я уже не могу бегать по берегу и искать красавцев, выброшенных морем.

Она, наконец, доковыляла до Глеба и коснулась морщинистой рукой его лба. Для этого ей пришлось вытянуться и, кажется, даже привстать на цыпочки.

– Да ведь у тебя жар! Немудрено, что ты бредишь! Давай-ка, – она взяла его за руку, словно внука, не желающего возвращаться домой, – пойдем, тут нельзя оставаться. О, милоч, и помоги-ка мне снять дельфинов с ветки. Не хочу, чтобы их смыло!

Глеб ничего не ответил, отвязал подвеску и побрел с пляжа вслед за старухой.

Дельфины ритмично позвякивали на каждый шаг – бабушка держала их перед собой, словно фонарь. Глеб плелся позади, предоставив ей полную свободу выбирать за него даль-

нейший путь. Неудачная попытка бегства теперь казалась ему совершенно необдуманной и заранее обреченной на провал. Так что, будет, что будет. Ведь сам он и понятия не имел, что делать дальше. Теперь Глеб точно ощущал жар: его трясло и знобило, а на лбу выступил пот. Море уже скрылось за деревьями, но рокот шторма все еще преследовал их, будто вода, не отставая, шла за ними по пятам.

А старуха тем временем резво шаркала по тропке, сверкая тонкими щиколотками.

– Давай, милоч, побыстрее! – она то и дело дергала Глеба за руку, и тот послушно следовал за ней.

Он не узнавал ни пышной оливковой рощи, через которую лежала тропа, ни лабиринта беленых заборов, но через какое-то время незнакомый путь вывел их напрямик к обшарпанным домикам вокруг площади Святой Софии. Странно, Глебу казалось, до побережья он шел намного дольше.

К тому времени разбушевавшийся ветер беспардонно толкал их в спину, трепал старушкин пучок седых волос и хлопал Глеба по ногам лапами дождевика. Шторм перерастал в настоящий ураган, в вое которого терялись и слова старухи, и звон непонятно как еще уцелевших дельфинов. Они прошли мимо дома, перед которым еще вчера белели ряды пластиковых столов и без устали кружила Лора. Теперь же он был наглухо закрыт, окна спрятаны за прочными на вид ставнями, а столы, видимо, убраны и сложены где-то в доме.

Вместе с грозовым фронтом с моря надвигалась темнота. Она настигла старушку с Глебом, когда они ступили на площадь. Тот успел разглядеть, что даже двери домиков здесь были перекрыты засовами и забиты досками. Тут странный мир вокруг помрачнел и почти что скрылся с глаз.

В темноте на площади ярко мерцал огонек. Он будто покачивался на ветру и то и дело грозился исчезнуть, потухнуть под напором шторма. К нему и направилась старуха, на удивление крепко сжав руку Глеба повыше локтя. Вскоре он, наконец, различил обычный садовый фонарь, плясавший над единственными не забитыми дверями. Глеб поднял глаза и взгляделся в темный и нечеткий силуэт церкви, на ступенях которой он оказался. Ему вдруг жутко захотелось остаться снаружи и поискать другое убежище на время шторма. Но тут старуха ухватила двумя руками за широкую кованую ручку, распахнула дверь и чуть не силком затащила Глеба за собой внутрь.

Глава 5

Энтропия

За Глебом закрылась дверь, и он оказался в полутемном зале. Ветер почти стих, оставленный снаружи биться в ставни, потихоньку просачиваться в церковь холодным сквозняком и стелиться гулом поверх тихих голосов. Тьма клубилась под сводами высокого потолка, заползала под скамейки и жалась к стенам, а центр зала мерцал сотнями огней. Совсем крохотные язычки свечей метались от малейшего движения, а разномастные фонари кутались в ореол теплого сияния. Огонь отбрасывал глубокие тени на лица людей, собравшихся в этом островке света. Кто-то из них расположился на скамейках, кто-то на ящиках, а кто и просто на полу. Когда Глеб появился в зале, никто не двинулся с места.

Старуха опустила на дверь тяжелый засов, потом поймала недоуменный взгляд Глеба и тихо объяснила:

– Мы пришли последними. Больше некого ждать.

С этими словами она поманила его костлявой рукой и прошаркала вглубь церкви. Тот, будто по привычке, последовал за ней. Они ступали то в один, то в другой островок света, осторожно пробираясь среди людей. Вид собравшихся, их сгорбленные фигуры, будто брошенные на скамейки и ящики, напоминал Глебу сюжет новостей о беженцах или тех, кто прячется по подвалам от бомбежек в какой-нибудь из тех стран, где война, кажется, не заканчивается никогда.

И тут в углу зала он увидел Лору в окружении то печальных, то взбудораженных, то совершенно равнодушных лиц своих подопечных. Она не видела его приближения, и несколько мгновений Глеб наблюдал за ее плавными жестами и медленными движениями губ. Атласная юбка переливалась в свете огней, словно на самом деле была стальной. Получался эдакий святой рыцарь-служитель церкви, оберегающий свою паству.

– Мария, это вы! – вдруг воскликнула Лора, едва завидев старуху. Голос ее сразу изменился, стал куда резче. – Мы уже заволновались! Времени, похоже, совсем немного осталось.

Лора взглянула на Глеба и улыбнулась, будто ждала и точно знала, что он вернется.

– Ну, не очень-то и заволновались! Наша старушка и сама не пропадет, и побрякушки свои не забудет, – раздался голос со странным южным акцентом. Только сейчас Глеб заметил коляску, пристроившуюся в тени за людьми из приюта, и самого Франческо. Тот, видимо, давно за ними наблюдал и таранил на Глеба белесые глаза.

– Ты просто старый болван, если считаешь это побрякушками! – Мария вдруг перешла на очень недурной английский. – И сама не пропала, и товарища Макова привела.

Глеб пожал плечами – сейчас он мог называться как угодно, и собственное имя заботило его меньше всего. Он вдруг понял, что едва держится на ногах.

– Можно я...? – спросил он, указывая на место рядом с Франческо, и почти что рухнул на ящики. На его лоб опустились ледяные пальцы, отчего по шее пробежали мурашки, а во рту появился отвратительный привкус мокрого железа. Тело била мелкая дрожь.

– Надо позвать Эрика, – Лора, наконец, отняла свою холодную, как сама смерть руку, а голос ее донесся до Глеба уже через сонную пелену.

– Не надо, я в порядке, просто немного устал, – пробормотал Глеб, удивляясь, как всего минуту назад умудрялся стоять на ногах.

– Настырный юноша, – скрипнула старуха. – Такая гордость и сводит людей в могилу.

Тот не пытался возразить. Лица и свет поплыли перед его глазами, сливаясь в одно грязное пятно.

Слабые удары по щекам привели его в чувства настолько болезненные, что от них хотелось поскорее провалиться обратно в небытие. Прямо перед его глазами кружила довольно ухоженная борода и задумчиво поджимала тонкие губы.

– Нервное и физическое истощение. Переохлаждение. Множественные ссадины, серьезных травм нет. Температура... Да. Что ж... Компресс, давать как можно больше воды. Ну, и, разумеется, покой, – бормотала борода, оказавшаяся довольно смышленной. Картина становилась все четче и вот к ней прибавилось немолодое лицо, смотревшее на Глеба из-за очков в тонкой золотой оправе.

– И пусть поест немного, если сможет. Через пару дней поставим его на ноги, – мужчина поймал его взгляд, улыбнулся и осторожно потрепал по плечу. – Отдыхайте, друг мой. Теперь вы в безопасности.

– Премного... благодарен... – выдавил Глеб, стараясь скрыть негодование из-за столь беспардонного пробуждения.

Как только обладатель бороды удалился, сверкая очками в свете фонарей, на коленях у Глеба вдруг появились бутылка воды, кусок белого хлеба, неизменная россыпь инжира и небольшой пластиковый контейнер, в котором оказалось нечто наподобие тушеного мяса. Оно почему-то отдавало корицей. Теперь Мария, со всей точностью выполняя указания доктора, пыталась заставить его поесть. Но стоило только Глебу подумать об инжире или почувствовать запах мяса, как организм яростно наемкнул ему, что такой эксперимент может плохо закончиться. К огорчению старухи, пришлось ограничиться хлебом и водой, но и этого оказалось достаточно: вскоре Глеб с облегчением почувствовал, как болезненный комок где-то под ребрами ослабляет свою хватку. Он снова проваливался в беспокойный сон, а спутанное сознание все крутило перед ним картины, как маленький мальчик укладывался спать под завывание ветра, летящего с Ла-Манша.

Много раз Глеб приходил в себя. Воздух над ним светился от огней, и тьма терялась в дымке, сбившись под высоким потолком. Вопросы и мысли вспыхивали было в его голове, но тут же таяли в потрескивании свечей. Несколько раз перед его глазами оказывалась Лора, осторожно менявшая холодный компресс, а порой на ее месте появлялась Мария и тихо напевала хорошо знакомые с детства колыбельные. Один раз Глеб проснулся от голосов. Он повернулся под неизвестно откуда взявшимся колючим пледом и увидел обитателей приюта, сбившихся вокруг Лоры в плотный кружок.

– Расскажи, что ты видела? – спрашивала она, сжимая в ладонях бледную руку незнакомой женщины.

– Это лестница, – шептала та в ответ. – Между этажами мы, копошимся, муравьи. Вниз и вверх ступени – будьте осторожны.

Лора со всей серьезностью всматривалась в лицо женщины:

– А что это за ступени, Селина?

– Как на любой лестнице! С одной стороны – выше, с другой – ниже. Но тут важно не упасть! Понимаешь? Не заметишь, и лепешка!

– Что-то мне это не нравится, – тихо подытожил Франческо.

Женщина, говорившая с Лорой, вдруг обернулась, и на лицо ее упал оранжевый керосиновый свет фонаря. На секунду Глебу показалось, что глаза ее, затянутые белой пеленой, невидящим взглядом уперлись в пустоту. Он повернулся на другой бок и сильнее закутался в плед.

Глеб проснулся от звуков, заполнивших церковь. Страшный гул смешался со стонами и плачем, стены словно сотрясались от урагана, бушевавшего снаружи. Плед, мокрый от пота, прилип к телу холодной тряпкой. Глеб поднялся на локтях, обуреваемый одним желанием – уползти, спрятаться, забиться хоть в какую-нибудь щель, только бы не слышать этого дикого рева. Плечо его сжала скрюченная тонкая рука.

– Не бойся, – глаза Марии, окруженные орнаментом морщин, были полны ласки и грусти. – Волны пришли. Но здесь нам ничего не угрожает.

Глеб кивнул, ни на секунду не усомнившись в правдивости услышанного. Из-за болезни, звуков родной речи или страха – неизвестно почему, но он ей верил:

– А стены выдержат?

– Всегда выдерживали. И сейчас не подведут.

– А вот это мы еще посмотрим! Я неоднократно поднимал вопрос о том, не пора ли менять крышу... – пробормотал Франческо и тут же получил пинок от Марии.

– Помолчи, старый брюзга, нашел время...

Как ни странно, Глеб почувствовал, что ему стало намного лучше. Он сел и осмотрелся: большинство людей так и оставались на своих местах, притихшие и напряженные, а вот подопечные Лоры все как один вышли из себя. Одни плакали, уткнувшись ей в плечи, другие жались к стенам, третьи пытались спрятаться за спинами друг у друга. Некоторые же, в том числе и бледная женщина, подняв глаза к потолку, бубнили свои странные и бессмысленные речи.

И тут Глеб почувствовал толчок. От второго с потолка посыпались тонкие лоскуты штукатурки. От третьего затрещали и с леденящим звоном обрушились на пол стекла лопнувших окон. Теперь кричали почти все. По полу покатались потухшие свечи, а вслед за ними полетел и вспыхнул один из керосиновых фонарей.

– Тушите, тушите! – среди всколыхнувшихся языков пламени мелькнули золотые очки и борода, хозяин которых скинул с плеч прекрасный серый пиджак и пытался сбить им огонь. У Глеба снова закружилась голова, к горлу подступила тошнота, и он лишился чувств.

Вокруг него сновали люди, шум голосов эхом отдавался под потолком, но теперь в них не слышалось ни страха, ни тревоги. Об пол грохотали крышки ящиков, а под ногами изредка похрустывали остатки битых стекол: их уже аккуратно смели по углам. Глеб скинул жаркий плед и осторожно сел. Чувствовал он себя отдохнувшим и здоровым. В воздухе еще стоял затхлый привкус гари, но тонкие, и от этого еще более яркие лучи света теперь прорывались через щели ставней. Похоже, шторм закончился.

– О, мистер Марков, – пробираясь между ящиками и занятыми чем-то людьми, к нему шел доктор. Лишившись пиджака, он остался в когда-то белой, а теперь изрядно закопченной рубашке, застегнутой на все пуговицы. – Неплохо выглядите, а как самочувствие?

Он опустился рядом и окинул Глеба взглядом опытного врача.

– Кажется, все в порядке, спасибо, – ответил тот и протянул руку. – Мистер?

– Левенштейн, – ладонь доктора оказалась грубой, как камень, – Эрик Левенштейн. А о вас я уже все знаю, вы же в каком-то смысле мой пациент.

– В каком-то смысле, – кивнул Глеб, стараясь различить среди снующих людей знакомые лица. – Вы не могли бы объяснить, что вообще происходит?

– Все закончилось, друг мой, – Эрик поднялся. – Шторм улегся, мы пока стараемся навести здесь хоть какое-то подобие порядка. А вот там собирается группа, которая первой отправится наружу.

– Наружу?

– Да, спросите у них сами. Если хотите, тоже собирайтесь. Можете считать, что я вас выписываю.

Глеб кивнул, поднялся на ноги и невольно охнул от того, с каким нежеланием его онемевшие мышцы пришли в движение.

– Вам надо размяться, – хмыкнул Эрик. – После четырех дней на ящиках, должно быть, нелегко разогнуть конечности.

– Я был здесь четыре дня?! – опешил Глеб. Бессчетные пробуждения и провалы в бессмятство сейчас казались ему целой вечностью, но четыре дня...

– Да, сколько и длился шторм. Сейчас, – доктор изящным движением встряхнул наручные часы, – семь тридцать утра пятого дня. Не вздумайте больше так мучать свой организм, иначе в следующий раз все может обойтись не так легко, – Эрик кивнул и двинулся дальше по своим врачебным делам.

Через несколько шагов к Глебу вернулось привычное ощущение земли под ногами, и он без промедлений направился туда, где, по словам доктора, готовились к вылазке наружу.

– Когда вошли кони фараона с колесницами его и с всадниками его в море, то Господь обратил на них воды морские, а сыны Израилевы прошли по суше среди моря, – вдруг различил он монотонный скрипучий голос.

В кругу человек из десяти сидел Франческо с толстой книгой на коленях. Подняв глаза, он увидел Глеба, кивнул ему и продолжил:

– И взяла Мариам пророчица, сестра Ааронова, в руку свою тимпан, и вышли за нею все женщины с тимпанами и ликованием. И воспела Мариам...

Больше Глеб слушать не собирался – он поспешил дальше и вскоре приметил впереди тех, кого искал. Перед дверьми церкви трое мужчин выгружали из ящиков тросы навряд ли тех, что носят скалолазы. Четвертой с ними оказалась Лора.

– Доброе утро, – неуверенно поздоровался Глеб, оказавшись рядом.

– О, доброе! – просияла она. – Очень рада, что ты поправился!

Голос ее показался Глебу невероятно звонким, да и весь облик девушки сильно изменился. Вместо юбки на ней теперь были джинсы и сапоги, напоминавшие военные, а волосы Лора стянула в пучок на затылке. Но самая большая перемена была вовсе не в одежде, а в ее лице, речи и даже движениях. От плавности и размеренности не осталось и следа, а глаза снова превратились в угольки.

– Это Польша и Влад, – она повернулась к молодым людям, которые на мгновение оторвались от ящиков и канатов. – Мы собираемся наружу разведать как обстоят дела.

Мужчины обменялись короткими рукопожатиями. У Глеба промелькнула мысль, что Польша, высокий и темноволосый, мог бы подарить свое лицо любой из академических скульптур, чего точно нельзя было сказать о Владе. Тот, долговязый, жилистый и будто чересчур вытянутый, гаркнул что-то вроде: «Рад встретиться».

– А это Ганс, – Лора положила руку на плечо третьему, и Глеб тут же его вспомнил. Это был тот самый полноватый подросток, что встретился ему возле приюта в первый день. И он до сих пор крутил в руках всю ту же веревку.

– Приятно познакомиться, – Глеб попытался изобразить дружелюбную улыбку, но, судя по всему, вышло у него довольно скверно – парень тут же отвернулся. И слава богу.

– Застеснялся, – Лора потрепала того по пухлому плечу и вонзила в Глеба угольный взгляд. Мальчишка снова углубился в перебрасывание веревочки из руки в руку, а Глеб попытался вернуться к разговору:

– Я бы хотел сходить с вами, – заявил он, стараясь больше не смотреть в сторону Ганса.

– Нет-нет! – перебил его долговязый Влад, вынырнув из очередного ящика со связкой каких-то ремней. – Снаружи может жить опасность! Простите мой английский, я еще учусь. Возможно, придется за себя постоять!

– Опасность? Какая опасность, шторм же кончился? Было ведь еще и землетрясение, верно? – Глебу показалось, что где-то внутри собственной головы он чувствует и слышит тихий назойливый звон. Отзвук просыпающейся злости. Снова его окружала неизвестность и какая-то ненормальность, сквозившая в происходящем.

Должно быть, уловив это, Лора взяла его за руку:

– Давай мы отойдем на пару минут и поговорим. А парни пока приготовят вещи.

Глеб кивнул и поплелся за девушкой, пытаясь заглушить ядовитый прилив нетерпения.

– Я понимаю, что тебе неприятно, – начала Лора, когда они оказались более или менее наедине, опустившись на пол и наблюдая со стороны за всеобщей суетой. – Вокруг слишком много народу, что-то происходит, но ты все еще ничего не понимаешь. И всем будто все равно. Так вот, знай: ты далеко не безразличен этим людям. Хотя пока их и не знаешь, – она махнула рукой в сторону, откуда все еще слышалось чтение Франческо.

– Да, прости, я понимаю. Не думай, будто я не ценю все, что вы для меня сделали...

– Я вовсе не требую благодарности, – покачала головой Лора. – Я хочу, чтоб ты знал – здесь никто не будет пытаться запутать или обмануть тебя.

– В таком случае я все-таки рискну спросить еще раз. Что же за чертовщина здесь происходит? Почему я здесь?

Лора вздохнула и принялась тихонько притопывать об пол толстыми подошвами сапог.

– Боюсь, что быстро и понятно объяснить это просто невозможно. Но я постараюсь... Только не перебивай меня, прошу, – она уткнулась взглядом в потолок. – Может быть, тебе знаком второй закон термодинамики?

– Конечно, я же человек науки, – приснул Глеб, несколько огорченный таким началом разговора.

– Жаль, тогда нам было бы проще, – довольно холодно ответила Лора и продолжила. – Второй закон связан с понятием энтропии – мерой хаоса и беспорядка. Он говорит, что в замкнутой системе, каковой является наша вселенная, энтропия неизбежно возрастает, – она взглянула на Глеба и попыталась определить, какой эффект оказывают ее слова.

– Если проще, – теперь она сопровождала речь обильной жестикуляцией, – энтропия – это стремление вселенной к хаосу. Ты когда-нибудь видел пляж, где галька была бы сложена, не знаю, в форме пирамиды? Разумеется, нет. Потому что упорядоченность неестественна. Энтропия растет, и от этого вся галька стремится рассыпаться более или менее равномерно по поверхности пляжа, вся посуда во вселенной – разбиться, а сахар раствориться в чае. Холодные тела нагреваются, а горячие остывают, стремясь прийти в температурное равновесие, дым рассеивается, запах наполняет комнату... Я могу продолжать бесконечно долго. Это и есть проявления энтропии. Работа в свою очередь энтропию снижает. Только при совершении человеком работы может получиться пирамида камней или кусочек сахара.

– Хорошо, – протянул Глеб, – Пока звучит не очень сложно. Или у тебя талант объяснять сложные вещи людям, которые ничего в них не смыслят. Но я все же не понимаю, какое отношение это имеет к происходящему и ко мне.

– Прямое отношение, Глеб. С самого момента зарождения вселенной энтропия росла, и сейчас ее уровень стал неимоверно высок. Да, раньше это понятие не рассматривали как меру реального хаоса, но теперь... Понимаешь, все, что создает человек: города, машины, книги, картины и все остальное, – это и есть галька, сложенная в пирамиду. К тому же, в последнее время «порядок» человечество поставило во главу угла. Едва ли не божество из него сделало. И эта пирамида уже рушится.

– Как понять – рушится?

– Физику, химию в школе учил? Помнишь еще, что все вокруг состоит из частиц – упорядоченных. А что говорит энтропия об упорядоченности? Вот именно: «До свидания!» И сейчас, когда уровень энтропии достиг точки икс, этот самый главный порядок – порядок частиц – начал разрушаться.

– Хочешь сказать, мир вот-вот развалится на атомы?

– Не совсем. К счастью, пока этот процесс происходит лишь в некоторых аномальных зонах наподобие той, где мы находимся. Когда приходят Волны.

Перед глазами Глеба возникла картина, которую он страстно желал забыть.

– Ты сейчас говоришь не про огромный вал, который меня едва не смыл?

Лора кивнула:

– То, что ты видел – это не совсем вода. Это поток нестабильной материи с высочайшим уровнем энтропии или, можно сказать, хаоса. Волны, от которых мы укрылись здесь – это поток, разрушающий все пирамиды из гальки. Сталкиваясь с любым стабильным объектом, они меняют его. Со скалой, домом, травинкой, песчинкой – с чем угодно. Тот же камень рассыпается на элементарные частицы, которые через мгновение после контакта с Волной собираются заново.

– Во что?

– Во что угодно. Вселенная, как бы странно ни звучало, обладает памятью. Все, чего касается Волна, мгновенно меняется и с равной вероятностью может стать любым предметом из когда-либо существовавших. Это и есть воплощение самого хаоса: максимальное количество вероятностей.

– То есть, мне еще повезло, что я не попал под эту Волну и не превратился в... кисель?

– Грубо говоря, да.

Глеб молчал и пытался выстроить из услышанного хоть какое-то подобие целостной картины, проклиная себя за то, что никогда не проявлял интереса к естественным наукам.

– У древних греков Хаос считался богом-демиургом и прародителем всего. Это, к сожалению, единственное, что я об этом знаю, – усмехнулся он. – Если бы не куча научных слов... Если бы я своими глазами не видел эту чертовщину, я бы, пожалуй, решил, что это полный бред.

– Это хорошо, – Лора поднялась на ноги. – Значит, у тебя есть зачатки критического мышления. А, если греки окрестили Хаосом Большой взрыв, то они были совершенно правы. Пойдем, нам пора выходить.

– Но у меня есть еще вопросы.

– В другой раз, хорошо? Времени, к сожалению, сейчас совсем нет. Пока что постарайся осмыслить то, о чем я рассказала, – Лора направилась обратно к группе – Глеб не отставал. – Если тебе трудно поверить и принять это, просто подожди. Оглянись вокруг, дай себе время привыкнуть.

Привыкнуть... Нет уж, к этому месту он бы никогда не смог привыкнуть. А вот смириться, скорее всего, придется.

– Ну что, поговорили? Вскипятил себе мозги? – ухмылкой встретил их Поль и протянул два широких ремня с подсумками. Лора закрепила свой на бедрах:

– Ладно тебе, человек только в себя пришел, а его сразу в омут с головой. Ты ведь идешь с нами? – спросила она Глеба.

– Иду, – ремень оказался довольно тяжелым и никак не желал застегиваться. – Можно последний вопрос? Откуда ты столько знаешь?

– Я физик, – пожала плечами Лора. – Из-за этого я и здесь.

Подсумки на ремне оказались набиты под завязку: здесь были фонарик, спички, рация, небольшая аптечка, фляжка, складной нож и даже скалолазный крюк. Такая серьезная экипировка немало удивила Глеба, но, когда Влад протянул ему старое мачете с потемневшим лезвием, он затряс головой.

– А это еще зачем? Не надо, я так пойду! – Глеб никогда в жизни не держал в руках оружия, и его это вполне устраивало.

– Нужно брать, – отрезал Влад и попытался вложить клинок ему в руку.

– Зачем, ну зачем мне это? – простонал Глеб, глядя на Лору в поисках поддержки. Та, к его изумлению, уже пристроила свой мачете на поясе и теперь выглядела почти что устрашающе. – И ты туда же?

– Во-первых, – Влад наморщил лоб, стараясь сформулировать какую-то важную мысль. – Во-первых, мачете хорошо рубит ветки и разные растения. А там, – он взмахнул рукой, указывая за стену, и клинок с жутким свистом описал в воздухе полукруг. – Там может быть целый

лес, через который мы будем пробираться. Во-вторых, там могут быть и звери, и змеи, и еще много чего. Если опасность, нужно с собой взять мачете.

– Каждый раз после Волн остров меняется до неузнаваемости. Надо быть начеку, – кивнула Лора.

Глеб вздохнул и взялся за шершавую деревянную ручку. Клинок непривычно тянул руку, которой было страшно даже пошевелить.

И зачем он ввязался в этот поход? Неужели это было обычное желание стать частью общества, пусть такого странного и маленького? Что поделаться, если еще со школы тебе начинают твердить, будто человек – существо социальное.

– Согласен, – вздохнул Глеб и, следуя примеру Лоры, пристроил мачете на поясе. – Но имейте в виду, что я не ручаюсь за качество работы с этим... инструментом.

– Мы будем отходить подальше, – успокоил его Поль. Вместо клинков они с Владом взяли по охотничьему ружью, и это посеяло в душе Глеба новые сомнения.

– Да-да, там может быть все, что угодно, я понял, – пробурчал он в ответ на взгляд Лоры.

– Надеюсь, ничего по-настоящему опасного вы не встретите, – вдруг рядом оказался Франческо, бесшумно подкативший к ним на коляске. Он, как и всегда, уставился на собравшихся мутными глазами и похлопал Глеба по предплечью – выше старик не дотягивался. – Я буду на связи. Все как обычно. Мистер Марков, эта вылазка может занять весь день, а то и больше. Вы только поднялись на ноги. Если решите остаться здесь, в этом не будет ничего зазорного.

– Я тоже пойду с вами, – вдруг раздался странный голос. Глеб обернулся и увидел Ганса. Мальчишка говорил с трудом, все открывал и открывал отчего-то улыбающийся рот, пытаясь продолжить, но у него ничего не получалось. Вербка все быстрее мелькала в его пухлых руках. Он обращался к Глебу, в этом не было сомнений, но от подобного зрелища тому становилось лишь неловко и неприятно. В ответ он отвел глаза и чуть отвернулся. Будто и не услышал. К счастью, на помощь пришла Лора.

– Ганс, дорогой, – заговорила она, присев рядом. – Ты нужен нам здесь. Без тебя мы не сможем обойтись, как и всегда...

Глеб не выдержал и принялся по второму разу проверять содержимое подсумков, лишь бы не понимать глаз. И что он должен был сделать? Ответить? А если ему не хочется разговаривать с этим парнем, что с того? Он имеет на это право, в конце концов.

– Все готово, хватит копаться, – забрюзжал Франческо. – Лора! Выходите, так и до вечера просидеть можно!

Когда все, наконец, было готово, Влад закинул ружье на плечо и скомандовал:

– Ушли! Нет, то есть... Пошли!

– А мы, разве, не наружу собирались? – забеспокоился Глеб, когда, вопреки всем ожиданиям, группа направилась не к дверям, а вглубь зала.

– Все верно, – кивнула Лора. Она шла под руку с Гансом – тот держал связки тросов с карабинами, под грудой которых пряталась его любимая веревочка. – Только мы будем спускаться с колокольни.

– Чего?! – ноги Глеба вдруг снова стали тяжелыми и непослушными. – Мне кажется, или выйти через дверь было бы проще?

– Прости, надо было сразу тебя предупредить. Но кто знает, что может оказаться снаружи? Или что может проникнуть внутрь, когда ты откроешь двери? – Лору похоже, веселило выражение его лица. – Что бы ты сейчас ни назвал, есть определенная вероятность, что снаружи нас поджидает именно это. Поэтому подумай хорошенько. Еще не поздно остаться.

– Ну нет, я справлюсь, – пробурчал Глеб, сам не понимая, что за странное упорство подгоняло его вперед.

– И прекрасно, – ответила Лора. – Только вот с фантазиями, кстати, надо быть осторожнее.

– В смысле?

– Наши мысли, подкрепленные сильными чувствами... Например, испугом или яростью... Могут повлиять на вероятность того, что окажется снаружи.

– Старые байки, что мысли материальны?

– Нет, Глеб, здесь не до шуток. Мир – сосуд энтропии. И ты тоже. Давай обсудим это как-нибудь попозже, но сейчас просто запомни: осторожнее со словами.

Влад остановился перед узкой дверцей, которую Глеб раньше не замечал. Прямо за ней начинался непроглядный мрак. От вида зияющего пустотой черного проема Глеб было замер, но через мгновение свет фонарей явил из темноты винтовую лестницу, что уводила вверх крутой спиралью ступеней. Поднимаясь, Глеб пытался припомнить, как выглядела церковь снаружи: осыпающаяся коралловая краска, пятна, оставшиеся от фрески над входом, светлая черепица крыши и крохотная башенка под таким же бледным куполом.

– Стоп, – снова скомандовал Влад, и процессия остановилась. Свет фонарика, что Глеб сжимал в руке, метнулся вниз, но не достиг дна башенки. Она оказалась вовсе не крохотной. Что-то скрипнуло, и в глаза ударил свет. Глеб зажмурился, пошатнулся и схватился за холодные перила. После стольких дней, проведенных во мраке при свечах, лучи солнца будто вгрызались в слезящиеся глаза.

Люди почти наощупь выбрались наружу и осмотрелись, морща лбы и прикрываясь ладонями от солнца. То ли от недавней болезни, то ли от непривычного обилия света, а, может, и от невероятного вида у Глеба слишком уж часто забилося сердце.

– Ну, здравствуй, дивный новый мир, – почти прошептала Лора.

Глава 6

Дивный новый мир

Утренний, пока еще не раскаленный воздух кружил голову после духоты церкви, пахшей воском и керосином. Уже знакомые Глебу домики тесно сбились вокруг площади и отбрасывали длинные тени на старую брусчатку. Аккуратный, но безлюдный городок сверху казался почти что игрушечным. А за ним... Несмотря на все услышанное сегодня, Глеб не мог поверить своим глазам. С одной стороны, сразу за стенами последних домов в небо поднимался отвесный склон скалы. Дорога, по которой Глеб в первый день вышел на площадь, раньше уводила вглубь острова. Теперь же она упиралась прямо в этот изрезанный трещинами утес. С другой же стороны от церкви простиралось море: бледная лазурь подступила к городку настолько близко, что тот оказался прямо на берегу. От воды его отделял склон столь же крутой, что и утес на другой стороне. Похоже, в этом и была причина подземных толчков. Церковь и все соседние домики буквально взлетели, оказавшись на значительно большей высоте, чем раньше. Немыслимо.

– Что же это получается, – первым подал голос Поль. – Мы здесь, как на уступе. Зажатые с двух сторон.

– Неправильно, – Влад указал на запад. – Вон там, где заканчивается гора, есть тупой склон.

– Пологий, – кивнула Лора, подсказывая слово.

– Вот именно. И весь остров оказывается именно с той стороны, – проследовав за взглядом Влада, все пятеро задумчиво рассматривали невероятную панораму, открывшуюся с колокольни.

– А вот та гора? – Глеб указал на возвышение вдалеке. – Она, кажется, там и была, когда я искал путь к церкви. Рядом с ней еще был указатель на развилке. Одна дорога как раз вела вверх по склону.

Ему показалось, собравшиеся переглянулись.

– Да, она всегда там. А указатель, кстати, надо не забыть поставить на место, – отмахнулась Лора и раскинула руки. – А мне нравится! По-моему, нам просто повезло: море совсем рядом, и путь вглубь острова, я думаю, найдется.

– Очень повезло, да уж. Мы теперь на горе, сюда в любом случае будет труднее добираться. А море вон где! К нему если только кувыркком спуститься можно! – возразил Поль, скривив губы.

– Не заметишь, и лепешка... – протянул Глеб. Ему показалось, будто он уже где-то слышал эти слова.

– Разберемся, – Влад подозвал Ганса. Тот рассматривал просторы острова через очень недурной на вид бинокль, но все-таки оторвался от окуляров и принялся крепить веревки к ржавым настенным крюкам.

От вида троса, со свистом полетевшего вниз, по спине Глеба пробежали мурашки.

– Голова закружилась? – спросил Поль, будто нарочито вычурно грассируя.

– Прекрати, – одернула его Лора, прицепила карабин к ремню и проверила, крепко ли он держится. – Ну что, ты решил? Можешь остаться здесь с Гансом в карауле, – она взглянула на Глеба и протянула ему единственную свободную веревку.

Тот ответил не сразу. Но казалось, чем дольше он думал, тем быстрее таяла решимость. Меньше мыслей – меньше страха. Глеб взял трос, защелкнул карабин и слишком уж твердым широким шагом отправился к Владу, который уже перебрался через перила и откинулся на тросе почти до горизонтального положения. Он упирался в площадку лишь ногами и улы-

бался столь безмятежно, будто просто решил позагорать в такой странной позе. Глеб почувствовал натяжение веревки и сам не понял, как оказался на другой стороне хиленькой оградки. Его руки вцепились в скользкие перила, а миг потяжелевшее тело словно ощутило притяжение земли. Ветерок, такой же легкий, как минуту назад, сейчас ураганом трепал его волосы и рубашку.

– Вот так, молодец! – Влад подтянулся на тросе и похлопал Глеба по плечу. Тот еще пуще сжал немеющие пальцы на поручнях. – Теперь смотри внимательно. Нижнюю веревку надо провести между под ногами.

– Нужно что?! – вскричал Глеб. – А можно было это сделать до того, как я сюда залез?

– Нет, так неудобно, – Влад попытался показать на своем тросе, что означало загадочное «между под ногами». – Вот так, хорошо! Теперь обведи ее вокруг правого бедра. Давай, это легко! Потом проводи ее через грудь и на руку через левое плечо.

– Я тебя не понимаю, ты можешь объяснить нормально?!

– Успокойтесь, – по другую сторону перил оказалась Лора. Пара простых движений, которые невозможно повторить без подготовки, и веревка оплела Глеба хитрым узлом. – Вот и все. Это безопасный способ, не волнуйся.

– Безопасный – это выйти через дверь, а не прыгать с колокольни, – Глеб пытался выровнять дыхание. Чуть в стороне через ограду перебрался Поль и, за мгновение соорудив вокруг себя треклятую петлю, спросил:

– Все русские такие истерики?

– Не слушай его, – Лора перемахнула на их сторону и оказалась рядом с Глебом. – Смотри на меня. Отпусти правую руку. Так, теперь возьми ей нижний конец веревки. Эта рука будет управлять спуском. Теперь левой рукой возьми веревку над собой. Вот и отлично!

Как ни странно, пока все выглядело довольно легко. Голос Лоры снова стал певучим, от его звуков успокаивался разум, а вслед за ним послушнее становилось тело. Чем дольше она говорила, тем меньше Глеб воспринимал слова. В такой речи весь смысл кроется в звуке: он наполняет и тебя, и пространство вокруг, замедляет твоё дыхание и рождает стойкое чувство безопасности. Должно быть, именно так она говорила со своими подопечными.

Лора замолчала, Влад снова гаркнул что-то невпопад, зашипели тросы, и прекрасное чувство тут же покинуло Глеба. Его спутники чуть приспустили веревки и начали спуск.

Бедро, плечо и пальцы обожгло до боли, когда трос скользнул по телу Глеба. Зелень острова перед глазами сменилась бледным утренним небом и Гансом, который навис над ним с биноклем, едва Глеб спустился на пару шагов. Интересно, как высоко летит плевков, если запустить его снизу вверх? Дотянет до окуляров или шлепнется обратно? Глеб не стал проверять и продолжил спуск. Ноги упирались в стену и с каждым все более уверенным шагом сдирали тонкие чешуйки коралловой краски. Страх потихоньку уходил, сменялся азартом и абсурдным желанием оказаться на земле первым. Хотя, как известно, самый быстрый путь – головой вниз.

Когда все закончилось и Глеб опустился на землю, его слегка потряхивало, но ощущение, в целом, было приятное.

– Это ужасно, – он потер бедро и в который раз поймал на себе взгляд Поля. Влад кое-как сообщил по рации, что спуск закончен, и тросы, точно змеи, поползли вверх по стене, сплетаясь в моток в руках Ганса. Группа двинулась через площадь.

– Сначала проверим эти дома, а потом пройдем чуть дальше кругом, – объяснял Влад по дороге, заставляя Глеба изо всех сил вслушиваться в его корявую речь. – Сначала тут. Потом все остальное. Так надо каждый раз после Волн. Все меняется, мы проверяем, что здесь безопасно.

– А бывало здесь что-нибудь по-настоящему опасное?

– Да, насмотрелись мы всякой дряни! – Влад поморщился. – Были и собаки бешеные, и ядовитый плющ, и бочки вонючие...

– Бочки?

– Баки с химикатами, – объяснила Лора. – Тот раз вообще оказался самым неудачным, даже колодец был отравлен...

– Да, следующих Волн мы аж ждали, чтобы смыло все вонючее! – перебил ее Влад. Кажется, он был любителем травить байки – просто искрился азартом рассказать что-нибудь.

– Разве снаружи не видно, что с домами все в порядке? Они ведь заколочены?

– Доски – не преграда для Волн, – покачала головой Лора. – Если вода подступит к домам или как-то попадет внутрь... Лучше перестраховаться, чем найти потом у себя под кроватью что-нибудь, чего там быть не должно.

– Дохлую рыбину, например, – пробормотал Глеб и поежился.

Первым на их пути оказался домик Франческо. Для начала его хорошенько осмотрели снаружи: обошли вокруг, заглянули в щели меж досками, что закрывали окна, и проверили, крепко ли они держатся. Лора зашла под навес и подозвала Глеба. Свисающие пряди плюща красиво скользнули по ее плечам.

– Чтобы точно знать, не попала ли вода в дом, мы вешаем шнурок, – Лора запустила руку в переплетения лозы, ползущей вокруг двери, вытянула из зарослей конец тонкой веревки и вложила ее в руку Глебу. Судя по всему, другим концом шнурок уходил внутрь дома. Лора приложила ухо к двери:

– Тяни.

Глеб все еще не понимал, что он делает, но все-таки легонько дернул за шнурок. Из-за стены донесся мелодичный перезвон, будто в доме разом встряхнули сотню колокольчиков.

– Порядок, – улыбнулась Лора и отняла ухо от двери. – На шнурок мы привязываем «побрякушки». Все, что угодно, лишь бы оно звенело или грохотало. Он тянется через все комнаты и заканчивается снаружи.

– Если бы внутри что-то произошло, звенеть было бы нечему? – Глеб удивился, что сумел обнаружить в происходящем какой-то смысл.

– Точно. В таком случае пришлось бы вскрывать дом и чистить его от того... что там появилось.

Глеб кивнул. Солнце местами пробивалось через густой кров плюща и яркими пятнами ложилось на лицо и волосы Лоры. От них почему-то было трудно отвести взгляд.

– Если честно, я не очень понимаю, – признался он. – Раз Волны затапливают и изменяют весь остров, почему же город цел? Разве он не должен...

– «Превратиться в кисель»?

– Вроде того.

– Даже самое невероятное событие все-таки имеет вероятность произойти. Пока нам несказанно везет. Надо идти дальше, времени мало, – ответила Лора, отвела глаза и вышла из-под переплетающейся зеленой крыши. Глеб вздохнул и последовал за ней. От таких объяснений он путался еще больше.

Хоть с высоты городок и казался совершенно крошечным, в нем оказалось не меньше двадцати домов, и теперь Глеб начал понимать, что быстро с такой работой они не управятся. Как и сказал Влад, они действительно двигались по кругу, а точнее сказать, по спирали, постепенно отдаляясь от церкви и тщательно проверяя каждый клочок земли и закуток. Только сейчас, рассматривая дома вблизи, Глеб увидел, насколько причудлива местная «архитектура», и вскоре решил, что ни одно из этих зданий не было построено человеком. Каждое из них имело какую-то невероятно сложную форму: количество углов, а порой и этажей, было просто невозможно определить, а бессчетные окна, балконы, лестницы и пристройки располагались, где им вздумается. Один из домов напоминал гигантскую медузу из-за того, что во все стороны от него тянулись узкие террасы и веранды. Другое здание будто встало вверх тормашками, третье можно было, скорее, назвать башней – не хватало только огромных часов под крышей

и фигурного флюгера. После того, как Влад с Полем осматривали каждый из домов снаружи, Лора неизменно находила шнурок – то спрятанный за облупившейся дощечкой, то аккуратно вложенный в трещину в стене. Через секунды тревожного ожидания в домах слышался звон – порой чистый, словно от десятков крохотных бубенчиков, а порой лязгающий, будто грохот кастрюль или металлолома.

Солнце поднималось выше, небо скидывало с себя белесое покрывало утренней дымки. Через несколько часов работы Влад объявил привал, и группа укрылась от все нарастающего пекла в тени пышных и ухоженных кипарисов на веранде одного из домов.

Глеб увяз в неповоротливых от духоты мыслях и мало вслушивался в разговор своих спутников, время от времени прикладываясь к фляжке с водой. Уже определенно перевалило за полдень и, если пик дневной жары еще не наступил, то он настиг бы их в ближайший час. Глеб никогда не испытывал любви к такому климату. Голова его тяжелела, пот разъедал глаза, кожа горела, а тело будто становилось мягким и отказывалось слушаться. В отпуск на море, жарить зад на раскаленном песке – лучше увольте. Он точно помнил, что хотел задать Лоре несколько важных и волнующих вопросов, которые сейчас начисто забылись и, сколько бы он ни пытался, не желали формулироваться.

– Вам плохо? – вдруг прервал тихий разговор голос Поля. Все взгляды уткнулись в Глеба, а тот вдруг понял, что привалился к стене и почти полностью сполз по ней на землю. – Зачем вообще куда-то идти, если еще вчера валялся без чувств? Что и кому вы сейчас пытаетесь доказать?

– Нет-нет, все в порядке, – Глеб решил довести начатое до конца, вытянул вперед ноги и полностью оказался на полу. – Просто прилег немного отдохнуть, у нас же привал. Спасибо за заботу.

Поль фыркнул и встал.

– Думаю, пора, – Влад достал из рюкзака большую бутылку воды, забрал у Глеба почти пустую фляжку, наполнил ее и вернул обратно. – Осталось еще десять домов здесь, вперед.

Когда они вышли из-под навеса, рядом с Глебом вдруг оказалась Лора. Все тем же, уже знакомым движением она положила руку ему на плечо. А ведь таким же заботливым прикосновением она пыталась успокоить Ганса. Глебу от этого стало неловко и даже как-то противно.

– Не слушай Поля, – попросила она. – Да, порой он позволяет себе грубости... Но он надежный компаньон!

– Я ценю твою заботу, честное слово, – Глеб как бы ненароком повел плечом и попытался освободиться от непрошенной успокаивающей руки. – Но я не хрустальная ваза и не тресну от одного косого взгляда. Пусть говорит, что хочет.

– На самом деле он куда лучше, чем тебе могло показаться, – не сдавалась Лора, будто приклеившись к нему ладошкой.

– Я уверен, у него полно других достоинств. Вы ведь оба французы, я прав?

– *Oui, monsieur*¹, – улыбнулась Лора и, наконец, отпустила его.

– *Désolé, je ne parle pas français*², – медленно и сосредоточенно пробурчал Глеб. – И это, кстати, единственная фраза, которую я помню со школы.

– Ага, вот теперь ты знаешь, мне как тяжело? – крикнул ему Влад, который шел впереди, но все-таки услышал их разговор.

– Английский проще! – ответил Глеб и погрозил ему кулаком. – А он откуда? – тихо спросил он Лору, когда тот отвернулся.

– Влад? Из Польши. Странная, конечно, у нас собралась компания. Франческо все свои... Сколько там ему? Лет сто прожил в Италии. Ганс из Германии, Мария тоже из России.

¹ Да, месье. – *фр.*

² Извините, я не говорю по-французски. – *фр.*

Группа, наконец, перешла к последнему ряду домов, который располагался чуть ниже по склону. Отсюда колокольная показывалась лишь изредка, мелькая в просветах между чудачковатыми крышами. Следующий дом на их пути оказался гаражом ядрено-желтого цвета: ворота под две машины были закрыты на всякие замки и густо покрыты граффити.

– У вас есть транспорт? – Глеб пошел вокруг здания вслед за остальными, уже по-привычке вглядываясь в заколоченные окна.

– Есть, полно по острову валяется, да только не ездит, – ответил Влад. – Нужны детали, чтоб чинить, но их нет. Да никто и не умеет чинить машины правильно. Я только мотоцикл могу, он почти готов. Кстати, это мой дом! Сам красил. Крутой же, да?

– Крутой, – только и нашелся что ответить Глеб и догнал Лору. Та как раз запустила руку в щель у ворот и, похоже, пыталась вытянуть оттуда очередной шнурок.

– Я хотел еще спросить, – Глеб решил не дожидаться возвращения в церковь, а сразу вытянуть из Лоры все, что только получится. – Ты не сказала, откуда доктор Левенштейн.

– Он, вообще, из Израиля, но долго жил где-то в США. Работал там. Говорят, у него были блестящие перспективы, – Лора морщила нос и никак не могла поймать злосчастный шнурок.

– Как и у тебя, наверное?

– Как у многих из нас.

– И как все вы оказались на острове? Почему? – Глеб, наконец, задал вопрос, который должен был расставить все на свои места в этом бедламе.

– Скорее всего, так же, как ты. Очнулись на берегу, нашли Софию, долго отказывались верить в происходящее. Кто-то сразу остался в городе, кто-то бродил по острову. Должно быть, надеялись однажды выйти на шоссе и наткнуться на полицейский патруль. Да зачем же я так далеко засунула эту веревку, не достать никак!.. Уплыть с острова, кстати, попытались только ты и Польша.

– Серьезно?

– Ага. Дураков не так много. Извини. Как видишь, у него тоже не получилось.

– Указатель на дороге тоже ваш?

Лора кивнула и вынула руку:

– Не могу. Погляди ты, может, дотянешься. Новых людей чаще всего сбрасывают на какой-нибудь из южных пляжей. Мы обычно пытаемся проложить туда дорогу от города и ставим указатель.

– Сбрасывают?!

– Ладно, не сбрасывают, а спускают с вертолетов. Видели пару раз, как это происходит.

– Но зачем?..

– Течь! – перебил их разговор, мысли и, кажется, даже дыхание крик Влада. – Течь, чтоб его!

– Вот дерьмо! – прошипела Лора. – Попробуй все-таки позвонить. Хотя, уже вряд ли получится.

Глеб прислонился щекой к подлипающей от краски стене, достал фонарик и осветил в щель:

– Нет здесь, никакого шнура. Ты что, забыла, где его спрятала?

– К сожалению, не забыла, – Лора поджала губы и побежала на голос все заливающегося ругательствами Влада. Глеб даже не пытался представить, чем может обернуться эта самая «течь», но вдруг почувствовал, что ему стало куда жарче. Воздух словно выгорел на солнце и заставлял чаще хватать его короткими вздохами. Глеб вспомнил липкий блеск чешуи, запах и бесконечный темный лабиринт. Течь... Такое слово явно не сулило ничего хорошего.

Влада они нашли позади гаража – тот закусил кулак и качал головой. В стене зияла дырой зубастая пасть. Так в первое мгновение показалось Глебу. Это был приличных размеров пролом, а за ним – не комната, не гараж, не мастерская. За ним начинались заросли. Старые скрю-

ченные ветки, стволы и молодые побеги будто расталкивали друг друга, пытаясь вырваться через дыру наружу – из дома.

– Чем же ты удобряешь цветы? – хмыкнул Глеб, хотя картина к смеху не располагала.

– Шнура нет... Влад, мне очень жаль, – Лора положила руку ему на плечо. Опять. Неужели она всегда так делала?

– А что жаль, что жаль? – Влад перестал мотать головой и махнул рукой на клубок веток, вырывавшийся из дома. – Может, все и не плохо. Подумаешь, вырос куст-другой.

– Вскрываем? – спросил Поль, подоспевший с ломиком наготове.

– Вскрываем, а что ж делать. Железяку убери, у меня ключи есть! – ответил Влад и в сердцах сплюнул.

– Что там может быть? – шепотом спросил Глеб у Лоры, пока тот возился с замком на воротах гаража.

– Все, что угодно, – вздохнула она. – Думай осторожнее.

– Мои мысли сейчас могут на что-то повлиять? То есть, если я сильно захочу, чтобы внутри оказалась...

– «Сильно захочу» – это не то. А вот, если ты сильно испугаешься, что внутри нас ждет голодный гризли, шансы на такую встречу увеличатся. Не забывай, это место – безумнейшая аномалия. И мы с тобой тоже...

Клац! Наконец шелкнул в руках Влада неподатливый замок. Поль бродил чуть в стороне и, кажется, докладывал в Софию об их неприятной находке.

– Когда тебе говорят не думать о чем-то, мысли так и начинают лезть в голову, – пробормотал Глеб и отцепил мачете от пояса. – Кстати... А человек может появиться после Волн?

Лора и Влад переглянулись.

– Думаю, нет, Глеб, – она наморщила нос, будто представила нечто очень неприятное. – Мы никогда такого не видели.

– Но почему?

Лора пожала плечами:

– У меня нет ответа на этот вопрос. Зато он точно найдется у Франческо. Да-да, – она поймала удивленный взгляд Глеба. – У него свое видение мира. Ненаучное, скажем так.

– Религиозное что ли? – догадался Глеб.

– Оно самое, – хмыкнула Лора. – Он тебе с удовольствием объяснит, что душа спускается лишь с небес.

– Готовы? – Поль окончил переговоры и зарядил ружье.

– Готовы, – Влад взвел курок, Лора с Глебом взялись за фонари.

– Открывай!

Ворота гаража с грохотом поехали вверх. Первым, что бросилось Глебу в глаза, был мотоцикл. Гордая надпись на бензобаке утверждала, будто это Харлей, хотя его вид кричал иное: этот драндулет был явно собран из всего, что попало под руку. Вокруг валялись промасленные тряпки, инструменты, на рабочем столе поверх чертежей высилась груда грязных тарелок. Обыкновенная небольшая мастерская дышала бензином, гарью и подкисшей едой.

– Господи, спасибо! – воскликнул Влад и под испуганное шипение Лоры кинулся к мотоциклу. – Целый, на месте, быть не может! Я-то уже думал все, конец ему, а нет же!

– Тихо ты! – сквозь зубы прошептала Лора, пробираясь между завалами на полу, как по минному полю. – Оставь его, пошли дальше.

С фонарем в одной руке и мачете в другой, Глеб чувствовал себя паршивее некуда. Его словно посадили за штурвал самолета, похлопали по плечу и оставили в одиночестве, уверенные, что он вот-вот полетит. Да вот только он не умел. В его руки вложили оружие, но, честное слово, он бы не смог им воспользоваться, что бы там ни было дальше в доме.

– Открывай! – снова послышалась команда, дверь, ведущая из мастерской, скрипнула под прицелом двух ружей и двух фонарей. Круглые пятна света скользнули в следующую комнату и замерли на шнурке.

– Что за... – прошептал Влад, опустил ружье, тоже потянулся за фонарем и шагнул в комнату. Глеб почему-то сразу последовал за ним. Поначалу он видел только шнурок, который тянулся через комнату сотнями нитей, переплетаясь в подобие огромной паутины, обвивался вокруг мебели, расплзался орнаментом по полу и колтунами висел на ветках. Темные изломанные сучья росли прямо из стен, из потолка, путались в веревке и роняли в ее сети почерневшие мертвые листочки и плоды. Груши, яблоки, инжир, сморщенные и покрытые коростами, кое-где все еще держались на ветках. Кора местами лопнула и вздыбилась, обнажая грибковый налет.

– Какая дрянь, – Влад ткнул кончиком дула непонятный сморщенный фрукт, покрытый пушистыми серыми пятнами. – Ладно, пусть бы выросли тут кусты-деревья, но зачем же гниль?

– Похоже на какую-то грибковую инфекцию. Или бактериоз, – вслед за ними в комнате показалась Лора. – А на тех деревьях, что выбрались из дома через пролом, этой гадости нет.

– Парша, – Поль скривился и зажал нос двумя пальцами. Грассировать от этого он стал еще раскатистее.

Влад положил ружье на устланный шнуром пол, взял у Лоры мачете и принялся прорубать себе путь вглубь комнаты. Клинок посвистывал в его руках, шуршала и опадала рассеченная паутина, а вслед за ней шлепались и разбивались бурые плоды.

– Влад, лучше вернуться в респираторах, – попыталась остановить его Лора.

– Я... просто... посмотрю... что случилось с моими... гитарами, – после каждого слова Влад замахивался так, будто путь ему преграждала не путаница веревок, а непроходимый бурелом.

На рукав Глебу опустился тонконогий кроха-паучок. Один щелчок пальцами, и он улетел во тьму комнаты.

«Не думай, про гигантских пауков, не думай...» – принялся твердить себе Глеб и, разумеется, тут же представил, как многоногая и многоглазая тварь бросается на Влада из глубин паутины. Хорошо хоть, ему было не так-то страшно.

– Я осмотрю следующую комнату? – спросил он Лору.

– Давай, я с тобой, – кивнула та и смахнула с лица обрывок шнура.

Несколько непривычных для руки взмахов мачете, и Глеб медленно открыл дверь. За ней оказалась небольшая спальня. Здесь не было ни веток, ни плесени, ни гнили. Лишь та же сеть из шнурка и...

– Человек! – вскрикнул Глеб, когда пятно света скользнуло по фигуре, зависшей прямо над кроватью в путях треклятого шнурка. Недвижимое тело было густо оплетено веревкой, стягивающей его руки, ноги и шею. Будто огромная муха. Волосы человека падали на его лицо, но Глеб успел увидеть широко раскрытый рот и опустил фонарь.

– Как человек?

– Не может быть!

– Снимайте его, что стоите?!

Мимо Глеба в комнату проскочили остальные. Он оперся о стену, закрыл глаза и попытался унять дрожь в коленях. Рыба, гниль, землетрясения – бог с ними, но это... Это было слишком. В голове звенело, словно от придавленного подушкой будильника, а сквозь звон прорывался другой, странный и неуместный звук. Смех? Дурнота отступила, и теперь Глеб услышал совершенно отчетливо – смеялся Влад.

Он открыл глаза и увидел уродливое пластмассовое лицо с неестественно широко разинутым ртом. Вблизи блестящий паричок, пристроенный на пластиковой голове, было трудно

перепутать с настоящими волосами. Влад согнулся от хохота и тряс перед Глебом здоровенной, в человеческий рост куклой, кое-где еще перетянутой шнуром.

– Знаешь, что это? – едва проговорил он. – Это ненастоящее!

– Ненастоящее? – пробормотал Глеб и прикоснулся к мягкому тряпичному телу.

– Наверное, это что-то вроде манекена, – заявил Поль. – На таких учат оказывать помощь. Искусственное дыхание там...

– Похоже на то, – Глеб вынул фляжку и вдруг пожалел, что внутри лишь вода, а не что-нибудь покрепче. – Неплохой, значит, манекен. Очень... натурально выглядит.

– Да, мы все порядком испугались, – Лора в свете фонаря казалась пепельно-бледной. – Давайте оставим здесь все, как есть, и пойдем скорее наружу. Дышать нечем! А дом придется как-то обрабатывать от плесени, это нельзя так оставлять.

– Спросим у Эрика, – Влад зашвырнул куклу прямо к себе на кровать. – А ты, ненастоящий, отдыхай пока!

Когда группа вышла на улицу, Влад на всякий случай закрыл за ними ворота гаража и пристроил на место замок.

– Я счастлив! – заявил он, раскручивая ключи на пальце. – Байк целый, гитары тоже, я их нашел! Надо только дрянь убрать. А палки мне даже понравились!

– Ветки? – переспросила Лора.

– Да, ветки. Обрежу потом те, что мешают. Остальные оставлю. Ну круто же выглядят?

– Круто, – кивнул Глеб. – Только, надеюсь, мы такого больше не увидим.

Приют Лоры оказался самым большим зданием во всем городке. То тут, то там Глеб замечал, что его обитатели, как могли, пытались сделать свой дом уютным: вокруг небольших веранд густо росли аккуратные кипарисы, клумбы были обложены камешками, а некоторые стены – сплошь расписаны красками. Где-то вокруг окон висел ядовито-зеленый плющ, украшенный огромными красными и синими цветами, где-то по растрескавшимся доскам плыли неизвестные рыбы с золотой чешуей, а по одной стене даже поднимались волны... Глеб остановился и провел пальцами по размашистым бугристым мазкам. Казалось, чем дальше он смотрит на роспись, тем яснее перед его глазами встает огромный вал, не подвластный законам природы и человеческому разуму, который вот-вот настигнет его лодку. Гигантская волна, поднимаясь по стене, доходила аж до второго этажа, где синие краски менялись на золотые, черные – на алые и бежевые. Глеб отступил назад, чтобы окинуть взглядом полную картину.

– Лора! – крикнул он. Голос его, должно быть, прозвучал настолько встревоженно, что заставил прибежать всю группу. Поль с Владом даже выхватили ружья.

– Что это? – спросил Глеб, указывая на стену.

– В каком смысле? Это роспись, – Лора вытаращила на него глаза. – Шутишь что ли? Мы часто рисуем, иногда и на стенах, это помогает...

– Нет, что это нарисовано? Кто это сделал?

– Да черт, Глеб! Селина – она живет здесь, у нее шизофрения! А какая тебе вообще разница?! – Поль и Влад, видимо, почувствовали, что ничем не смогут помочь, и спешно удалились. Лора, казалось, уже злилась не на шутку.

– Такая мне разница, что я видел это, – почти шепотом ответил ей Глеб. – Видел своими глазами, когда пытался уплыть с острова. Как же это может быть здесь, у тебя на стене?

Лора перестала хмуриться и подняла глаза к картине: на ней огромный вал вдребезги разбивался о крылатую фигуру, что поднималась прямо из воды.

– Это же моя скульптура, – прошептал Глеб. – Как?

Лора молчала, вглядываясь в картину так, будто видела ее впервые. Когда стало ясно, что Глеб не двинется с места, не получив объяснений, она вздохнула.

– В нормальном мире, – она медлила, подбирая нужные слова. – Все эти люди просто душевнобольные. Их слова – бред и галлюцинации. Но здесь... Они приобретают смысл. Или,

скорее всего, только здесь мы правильно понимаем смысл сказанного. Энтропия в таких людях настолько высока, что они не могут жить полноценной жизнью. По крайней мере, среди тех, кого принято называть нормальными. То, что они говорят, видят и чувствуют, после обычно находит какое-то проявление во внешнем мире. Но бывает очень сложно понять, о чем конкретно идет речь. Селина увидела это недели две назад, – Лора взяла Глеба под руку и почти силой увела от картины. – Когда я спросила, что это, она ничего не ответила. Думаю, тебе самому стоит с ней поговорить.

Глеб поморщился. Конечно, ему совершенно не хотелось общаться с подопечными Лоры, какие бы чудеса они не творили. Но ведь роспись была о нем, а это совсем другое дело.

– Только, если ты мне с этим поможешь, – согласился он, понимая, что любопытство однажды пересилит в нем неприязнь.

Понадобилось целых три шнурка, чтобы проверить приют изнутри – настолько он оказался большим.

Пока Лора искала последнюю веревку, Глеб побрел вокруг дома в поисках тихого тенистого местечка. Часы показывали пять часов вечера, солнце уже успокоилось и сжалилось над бедной, все еще раскаленной землей. За весь день они сделали всего два коротких привала, и теперь ноги Глеба гудели, а живот болезненно скручивался. От жары он почти не сумел поесть, когда Поль достал из рюкзака крошащиеся галеты и консервы. Теперь, разумеется, он жалел об этом, но жаловаться и просить третьей остановки не решался. Лишь Влад то и дело подливал воды в его флягу. Глеб свернул за угол, опустился на дощатый пол веранды, присыпанный песком и листьями, и закрыл глаза.

Не успел он даже вздохнуть, как тихий шелест и хруст веток заставили его засучить ногами по будто скользкому песку и вскочить. В зарослях впереди определенно кто-то был. И это мог быть кто угодно. На ум почему-то сразу приходили герои страшилок.

Глеб схватился за мачете, попятился, и тут из густой листвы показались копна светлых спутанных кудряшек и улыбающиеся глаза-щелочки.

– Эй, привет! А ты что здесь делаешь? – Глеб спешно отпустил оружие, присел на корточки, чтобы оказаться с девочкой одного роста, и сцепил руки в замок. Та сделала несколько осторожных шагов и вышла из зарослей. В волосах у нее застряли листья, но в целом, вид ее ничуть не изменился. На руках, одежде – повсюду позвякивали те же «украшения», к которым лишь прибавились тонкие жемчужные бусы на шее. Правда, они были ей великоваты и свисали почти до самого пояса.

– Очень красиво, – Глеб обвел рукой вокруг шеи.

– Подажок, – протянула девочка и подняла голову повыше, показывая свою главную драгоценность.

Глеб пытался выглядеть спокойно и дружелюбно, хотя ему вдруг стало не по себе. Он понял, что не видел в церкви ни одного ребенка. Самым младшим из всех на вид был Ганс, но и тому было лет пятнадцать-шестнадцать.

– С кем это ты там разговариваешь? – заставил обоих вздрогнуть громкий голос Лоры, раздавшийся прямо за углом. Не успел Глеб раскрыть и рта, как девочка юркнула обратно в заросли и исчезла. На веранду выскочила Лора, а вслед за ней Влад с Полем – они снова схватились за ружья.

– Что происходит? – спросила она, и от ее резкого, как чугун, голоса Глебу стало еще более неловко. В него, все еще сидящего на корточках, уткнулись непонимающе взгляды.

– Да ничего страшно, хватит поднимать шум без повода, – ответил он и поднялся на ноги. – Просто увидел девочку. Я ее уже встречал.

– Ты встретил кого?! – воскликнул Поль. Влад перекрестился.

– Девочку? Она тебе... Что-нибудь сказала? Где она была? – Лора побледнела. Поль с Владом зачем-то прильнули к ружьям и шагнули в заросли.

– Ничего не сказала, да и какая... Что они делают? В чем дело? И почему этой девочки не было в церкви?

Лора молчала, наматывая на палец прядь волос и грызла ее кончик. Глебу хотелось подойти и хорошенько встряхнуть ее за плечи.

– Ответь мне хоть что-нибудь!

– Дети очень опасны, – наконец, сказала Лора. – Они живут сами по себе.

– Почему?

Она скривила губы:

– Глеб, это очень длинная история. Умоляю, давай позже поговорим! Я устала не меньше твоего. Вернемся в Софию и спокойно все обсудим. Я не могу работать, как справочное бюро!

Встряхнуть Лору захотелось еще сильнее, но Глеб лишь пробормотал:

– Как угодно.

– Никого, – из зарослей показались Поль с Владом. – Даже следов нет.

– Тем лучше, – кивнула Лора. – Мистер Марков, если вы еще раз увидите ребенка, не пытайтесь с ним говорить. И не отходите от нас далеко.

С этими словами она отвернулась и двинулась к последнему дому.

Глеб погрузился в тяжелые мысли и не прислушивался к разговорам своих спутников. В нескольких шагах впереди берег круто обрывался на десятки метров вниз и скрывался в зарослях. Зелень переходила в синеву моря, разлитую до самого горизонта. Но сейчас Глебу было все равно. Он точно знал, что, кроме девочки, на острове были и другие дети. Хотя бы те двое, что промчались мимо него на велосипеде. Что значит, «они живут сами по себе»? А ему не все ли равно? Нет... Странно, но почему? Казалось, тот Глеб Марков, которого он так хорошо знал каких-нибудь пару недель назад, никогда бы не поверил в этот бред про энтропию, хаос и башни из гальки. Неужели за столь короткий срок можно было так измениться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.